198
490

198 — 490

ОБОРОНА ИВАНГОРОДА

в 1914-1915 г.г.

Из воспоминаний коменданта крепости Ивангорода **А. В. Шварца.**

ПЕРЕВЕЛ С ФРАНЦУЗСКОГО, ПО ЗАДАНИЮ РЕДАКЦИИ ГВИУ, ВОЕННЫЙ ИНЖЕНЕР А. А. КРЖИВИЦКИЙ.

Издание Главного Военно-Инженерного Управления.

МОСКВА.
Типография Главного Военно-Инженерного Управления РККА.
1922.

Пособиями при чтении могут служить:

1. Краткий Стратегический очерк войны 1914—1918 г.г. Изд. «Военное дело»; Москва.
2. «Артиллерийский журнал» 1919 г. № 1.
3. «Инженерный журнал» 1920 г. № 1.
4. Оборона реки Вислы в районе Рычивол—Козенице (16—22 июля 1915 г.). Журнал «Военное Дело» 1918 г.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР
1185900

Р. Ц. № 1709.

Тираж 1000 экз.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Имя бывшего Коменданта крепости Ивангород, военного инженера, А. В. Шварца пользуется широкой известностью среди военных специалистов. Как военный инженер, А. В. Шварц особенно выдвинулся во время русско-японской войны в Порт-Артуре. По окончании этой войны, он принимал широкое участие в работах комиссии по ее описанию и состоял преподавателем Инженерной Академии. Его доклады и научные работы, основанные на Порт-Артурском богатом опыте, составили ему имя, пользующееся заслуженным успехом, как у нас, так и заграницей, в частности, в Германии. Назначенный с начала войны Помощником Начальника Инженеров крепости Ивангород, а затем ее Комендантом, он весь свой опыт, знание и силы посвятил этой крепости. Ивангород, как говорит А. В. Шварц, был его «любимое детище». Мысли, положенные А. В. Шварцем в основу укрепления Ивангорода, и произведенная работа дали весьма ощутительные результаты и крепость Ивангород сыграла весьма крупную роль в 1914 году в период сентябрьских-октябрьских боев на р. Висле.

Немедленно по окончании этих боев А. В. Шварц начинает новые работы по подготовке крепости к возможным дальнейшим боевым испытаниям, широко и вдумчиво использовав характерные особенности местности. При этом А. В. Шварцем непрерывно руководит мысль, что Ивангород должен быть подготовлен так, чтобы крепость смогла бы оказать продолжительное сопротивление, с примерными сроками— от 2 до 3 месяцев при полном обложении крепости и не менее 6 месяцев при частичной осаде. В дальнейшем, общая стратегическая обстановка сложилась для крепости неудачно, и Ивангород был

эвакуирован. Мы не будем вдаваться в критический разбор, какое влияние на последующие события оказало бы сопротивление Ивангорода, если бы крепость не была эвакуирована, насколько было право командование, не согласившееся с представлениями А. В. Шварца и, наконец, был ли практически подготовлен Ивангород к такому длительному сопротивлению —это в настоящий момент, при отсутствии всестороннего исследования событий 1915 года, было бы несвоевременно, но, с своей стороны, Редакция не может не отметить тяжелого положения А. В. Шварца, как Коменданта крепости, в связи с эвакуацией крепости. Как это видно из его воспоминаний, он лично считал, что значение и роль Ивангорода до конца не была уяснена командованием в должной мере и эта его мысль особенно ярко выражена им в эпиграфе к запискам: «моим неоцененным сотрудникам-офицерам и солдатам—посвящаю я эти строки». При редактировании было выпущено, в очень небольшом размере, все, что не имеет прямого отношения к обороне крепости. В заключение Редакция считает приятным долгом выразить свою благодарность военным инженерам Е. О. Попову и Н. В. Мединскому за содействие при редактировании издаваемой книги и надеется, что это издание послужит импульсивным толчком нашим военным инженерам, как в отношении изучения „крепостного вопроса“ у нас в войне 1914—1917 г.г., так и в отношении изучения роли инженерного дела в гражданской войне.

ЧАСТЬ I.

ОБОРОНА 1914 ГОДА.

ГЛАВА I.

От'езд на войну. Мой от'езд из С.-Петербурга. Встреча с Самсоновым в Варшаве. Прибытие в Ивангород. Крепость: ее прошлое и настоящее. Эпизод, относящийся к проекту 1910 г.

Я снова в Пельи, откуда 5 лет тому назад, 16 июля 1914 года, поспешно уехал в Россию в Петербург при первых признаках возможности войны.

Мне едва удалось приехать до об'явления войны. На другой день по прибытии я получил назначение и на следующий день выехал в Ивангород, как военный инженер—полковник, на должность Помощника Начальника Инженеров Крепости.

Война началась, разрослась, окончилась и снова мир. Прошло 5 лет.

Во время войны я принимал близкое участие в событиях, имевших крупное историческое значение в судьбе России.

Мне хотелось, чтобы в будущей истории России и войны эти события были бы описаны и истолкованы беспристрастно.

В моих воспоминаниях, независимо от моей воли, меня тянет к себе Ивангород, мое любимое детище, где при исключительной помощи Провидения нам удалось выполнить столько задач. Из ничего в 2 месяца нам удалось создать грозный оплот, о который разбился натиск немцев, а затем австийцев. По данным немецкого исторического труда Штегемана о войне, только что появившегося, против Ивангорода оперировало несколько немецких корпусов под главным командованием Гинденбурга и . . . «Гинденбург должен был отступить» заканчивает вышеупомянутый труд.

Немцы после их ухода были заменены австрийской армией Данкля, но с самого начала она тоже попала в тяжелое положение и через 6 дней, разбитая окончательно, она оставила много пленных и поспешно отступила.

Без сомнения, главной причиной нашего успеха был необыкновенный энтузиазм, который одушевлял в то время всю русскую армию и особенно нашу крепость, но надо признать, что с нашей стороны было все сделано, чтобы создать в крепости условия, благоприятные для военных операций.

23 июля 1914 г. утром были закончены мои приготовления к от'езду, и в полдень я отправился на Варшавский вокзал, где уже было несколько друзей, товарищей и знакомых.

Я ехал вместе с ген. Кривошеиным и полковником Бобровским, назначенными в окрестности Вильны и Варшавы. Кривошеин расстался с нами в Вильне, а мы с Бобровским приехали в Варшаву утром 24-го.

В ресторане гостинницы Бристоль во время завтрака мы встретили генерала Самсонова. Это была первая и последняя встреча с ним, ибо через 3 недели он погиб под Сольдау.

В 3 часа дня я отправился из Варшавы в Ивангород по железной дороге вдоль Вислы. Я ехал в сопровождении двух моих бывших слушателей Инженерной Академии подпоручика Борисова и капитана Волкова. К 6 часам прибыли в Ивангород, где на вокзале меня ожидал саперный офицер с экипажем, высланным Начальником Инженеров Крепости.

Через несколько минут мы были в цитадели крепости в офицерском собрании, где помещалось и инженерное управление крепости.

Начальником Инженеров был военный инженер генерал-майор Попов. Он принял меня сердечно и тотчас же уступил мне квартиру из 2 комнат в нижнем этаже комендантского дома.

В Управлении я встретил моего старого товарища, военного инженера подполковника Беляева, а также и двух других военных инженеров, капитанов барона Штромберга и Глазенапа.

Я расспросил о текущих работах. Только что начали постройку батарей между фортами и приведение в порядок двух из них.

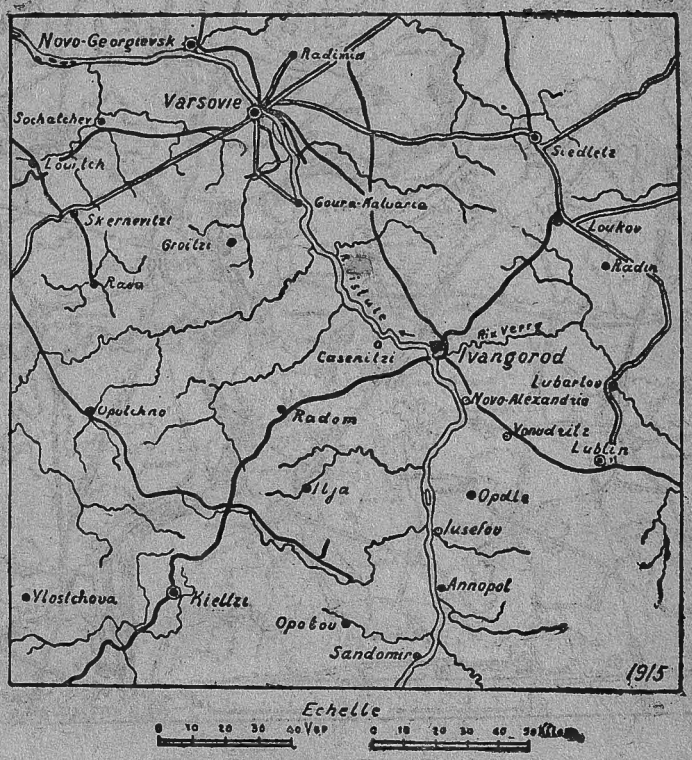
На другой день я должен был представиться Коменданту крепости, но так как представление могло быть лишь после 11 утра, а я горел нетерпением принять участие в работах по укреплению Ивангорода, то рано утром я осмотрел форт № 5 и форт Ванновского. Даже в настоящее время я ясно помню то впечатление, которое на меня произвел форт № 5, когда я поднялся на банкет. Я ужаснулся от мысли, что достаточно не только полка пехоты, но даже кавалерийского полка, чтобы при их приближении крепость пала бы неминуемо.

Чтобы придти к такому заключению, достаточно было одного взгляда на форт, до того был расстроен, как он, так и смежные постройки.

Отлогости обвалились от времени, рвы и площадки так заросли, что десятки людей могли пройти по ним, не будучи обнаружены с близкого расстояния. Стоя на банкете, я не различал гласиса. Подобную же картину представлял и форт Ванновского.

Что же представлял собой в общем Ивангород? Этим именем была названа крепость, построенная на Висле при императоре Николае I, в 90 километрах к югу от Варшавы, и назначенная для защиты переправы через эту реку на главном пути, идущем из Австрии в Брест-Литовск через Ченстохов и Радом, *(планы №№ 1, 2 и 3)*.

План № 1.



По плану инженер-генерала Дена, на правом берегу Вислы, при впадении в нее Вепржа, в 1845 году было построено обширное укрепление, имеющее вид пятиугольного форта.

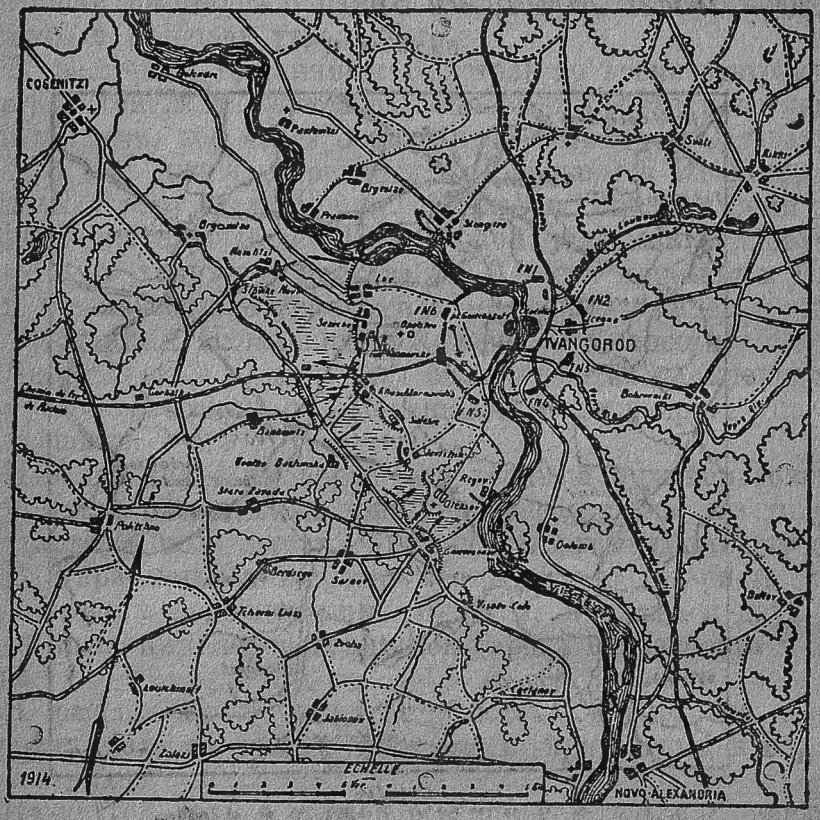
Каждая сторона форта представляла собой куртину, фланкируемую двумя полубастионами, и состояла из очень высокого вала и очень глубокого рва. На дне рвов имелись кирпичные эскарповые стены. На углах рвов возле эскарпов имелись кирпичные капониры для обороны рвов ружейным и орудийным огнем. В форт можно было попасть тремя воротами: Николаевскими, Владимирскими и Георгиевскими.

Внутри форта, параллельно валам и возле них, шла непрерывно длинная двухэтажная казарма для гарнизона, так называемая «оборонительная казарма».

В средине форта находился дом коменданта и его штаба, а также интендантские магазины и пороховые погреба.

Спустя 2 года, в 1847 году, на другом (левом) берегу Вислы был построен второй форт, назначенный для защиты моста, построенного в то же время через Вислу между этими двумя фортами.

План № 2.



Он был меньших размеров, имел еще более высокие валы и был назван укреплением князя Горчакова.

Оба форта вместе образовали крепость, включенную в число укрепленных пунктов империи под названием Ивангорода в честь генерала графа Ивана Паскевича, на земле которого она была построена.

Спустя некоторое время, крепость была усилена тремя небольшими земляными укреплениями в форме люнетов, построенными между южным фасом большого укрепления и Вепржем и назначенными для усиления обстрела по направлению вверх по реке.

Ивангород долго находился в таком состоянии, но вскоре после русско-турецкой войны граф Тотлебен настоял на необходимости его усилить, что было исполнено постройкой вокруг первых главных укреплений отдельных 7 фортов, расположен-

План № 3.

пость Ивангород вместе с другими крепостями по течению Вислы и срыть ее укрепления.

Тогда же было решено расформировать все крепостные управления, в том числе и артиллерийские и строительство, а также и должность коменданта. Для того, чтобы взорвать

вверх по реке.

Ивангород долго находился в таком состоянии, но вскоре после русско-турецкой войны граф Тотлебен настоял на необходимости его усилить, что было исполнено постройкой вокруг первых главных укреплений отдельных 7 фортов, расположен-

ных по окружности радиуса в $2^1/_2$ километра вокруг главных укреплений, получивших название цитадели и обращенных в административный центр крепости.

4 из этих фортов, №№ 1—4, были построены на правом берегу Вислы, а три за №№ 5, 6 и 7 на левом.

Все эти форты в плане походили на главное укрепление, но меньших размеров: они—пятиугольной формы, имеют высокие валы, отдельные эскарпы, контр-эскарпы, капониры, сообщающиеся потернами с внутренней казармой форта под валом. Прекрасно мощеные шоссе, обсаженные деревьями, соединяют эти укрепления с цитаделью, где в это время был построен красивый собор, мельница и артиллерийские мастерские.

К 1890 году Ивангород приобрел большое значение, как узел и конечный пункт нескольких линий железных дорог, идущих по направлению от Варшавы, Радома и Кракова, Люблина, Лукова и Брест-Литовска, равно как и нескольких шоссе, ведущих в Ново-Александрию, Люблин, Радом, Брест-Литовск и Варшаву.

Но даже и в ту эпоху Ивангород был уже устаревшей крепостью.

Было решено ее перестроить, но ограничились лишь заменой кирпичных убежищ и капониров на фортах 5 и 6—бетонными. По этому случаю последний форт был назван форт Ванновский, в честь военного министра П. С. Ванновского, а форт № 7 с тех пор стал называться *(план № 3)* форт № 6. Эти незначительные перемены способствовали лишь небольшому увеличению боеспособности крепости, и к этому времени относится ходячая в Варшавском округе острота бывшего начальника Штаба Округа генерала Пузыревского: «Крепость Ивангород—и не город, и не крепость».

В самом деле, кроме маленькой деревушки Ирена, расположенной по Брест-Литовскому шоссе в расстоянии 1 километра от цитадели и населенной сотней мелких купцев-евреев, Ивангород не имел гражданского населения.

В следующие годы, когда Военное Министерство во всем руководствовалось политикой строгой экономии, потребности укрепленных пунктов стояли в последнем ряду его забот и, несмотря на значительные успехи, достигнутые осадной артиллерией и другими разрушительными средствами, укрепления Ивангорода так и оставались без всяких улучшений и перемен.

В 1909 году последовало распоряжение упразднить крепость Ивангород вместе с другими крепостями по течению Вислы и срыть ее укрепления.

Тогда же было решено расформировать все крепостные управления, в том числе и артиллерийские и строительство, а также и должность коменданта. Для того, чтобы взорвать

форты, требовалось по смете до 4.000.000 руб., и только благодаря огромности этой суммы форты Ивангорода уцелели. Однако, заброшенные и забытые, они стояли 4 года без ремонта и наблюдения.

Время наложило свою руку на укрепления, а отсутствие крепостной жандармерии давало полную возможность австрийским шпионам снять с них детальные планы.

Причины, вызвавшие уничтожение наших крепостей, до сего времени неизвестны, но надо думать, что на это повлияли стратегические соображения генерала Сухомлинова и тех офицеров генерального штаба, которые с вескими документами утверждали, что «для России полезно лет десять пожить без крепостей».

Но не прошло и года, как эти лица отдали себе отчет в чудовищности своей ошибки, из-за которой оставлялись без защиты переправы через Вислу, и тогда стали говорить не об уничтожении, но об усовершенствовании крепостей.

Летом 1910 года я был командирован начальником Генерального Штаба генералом Мышлаевским в Варшаву и Ивангород для разработки на месте проекта обороны переправ через Вислу в этих 2 пунктах с таким расчетом, чтобы располагая минимальными силами—дивизия для Варшавы и бригада для Ивангорода,—мы могли бы удерживать их в течение 3-х месяцев.

Проект обеспечить такой обширный и так заселенный город, как Варшава, укреплениям, рассчитанными на 1 дивизию, был абсолютно неосуществим; однако, понимая, что прежде всего необходимо иметь укрепления, для защиты которых всегда найдутся люди, я принял поручение.

Что касается Ивангорода, то особые местные условия упростили мою задачу, и после 3-х недельного изучения окружающей местности я нашел решение, обеспечивающее оборону этой переправы с теми малыми силами, которые были на это предназначены.

Особенности заключались в возможности построить совсем возле цитадели запруду со шлюзом на Висле и, пользуясь ею, заставить реку выйти из берегов и затопить соседние участки.

На них имелись определенные высоты, пригодные для устройства фортов-застав, снабженных блиндированными убежищами, обеспечивающими оборону запруды и не требующими больших сил. Я разрабатывал свой план с увлечением, сознавая, что участвую в важной государственной работе.

Наконец, по окончании моей работы, я возвращаюсь в Петербург для представлнния ее ген. Мышлаевскому. Но увы, проект был найден им слишком смелым и не был принят.

Ивангород остался с тем же своим первоначальным планом.

В 1913 году приступили к новому изучению вопроса об усовершенствовании Ивангорода, снова были назначены комендант, начальники артиллерии и инженеров, но не спешили, и война застала Ивангород в плачевном состоянии: его укрепления были не только устаревшие, но наполовину разрушены временем и ежегодными разливами Вислы, имея на вооружении только 8 тяжелых орудий, из коих 4 не стреляли.

Гарнизон состоял из 72 Тульского пехотного полка и 2 легких батарей, имея комендантом генерального штаба генерал-майора Михелиса.

При моем представлении он сказал, что знаком с моими работами по фортификации, и показал мою книгу «Крепостная война», бывшую в его библиотеке. Мне показалось, что он лучше разбирается в фортификационных вопросах, чем другие офицеры генштаба.

ГЛАВА II.

Первые оборонительные работы в Ивангороде. Проект новой оборонительной линии на левом берегу Вислы.

В Штабе крепости я встретил большую часть главных ее начальников и между ними подполковника Рябинина, помощника начальника артиллерии, по существу же ее фактического начальника. Он был моим слушателем по Артиллерийской Школе.

После обеда у генерала Попова, мы беседовали с ним и условились, что я буду руководить всеми работами в крепости, подполковник Беляеев будет ведать их снабжением, а Попов будет утверждать наши решения.

На деле оказалось, что фактическое управление всеми работами перешло ко мне. Впоследствии, после осады, генерал Попов во время одного обеда сказал: «Моя заслуга в том, что я не стеснял генерала Шварца».

Я должен подтвердить эти слова и добавить, что ген. Попов всеми силами стремился помочь мне. Но известная доля страха, который внушал ему комендант генерал Михелис, иногда вредила нашей работе.

В тот же день я осмотрел и другие укрепления, совершенно устаревшие и не способные выдержать не только серьезные бомбардирования современных орудий, но даже сопротивляться атаке живой силы.

Только форт Ванновский, благодаря некоторым бетонным сооружениям, походил немного на современные укрепления. Его особенностью было то, что он был «посажен на ж. дорогу».

К 1890 году у наших стратегов было в большой моде это стремление «посадить форт на путь сообщения», т. к. они были глубоко убеждены, что, дабы прервать движение поездов огнем с форта, необходимо, чтобы дорога проходила через самый форт.

Этот странный опыт был проделан с фортом Ванновский.

Я воображаю, с каким совершенством австрийцы изучили этот форт, несмотря на высокий забор, поставленный по обе стороны полотна дороги.

Под валом форт № 5 имел бетонное убежище и головной капонир. Рвы этих двух укреплений могли наполняться водой.

Форт № 6 был фортом только по имени, будучи на самом деле только земляным укреплением возвышенной профили, горжа была открытая, а рвы имели не более 2 метров глубины.

Сзади этих 3-х укреплений, на левом берегу Вислы, было расположено старое укрепление под названием «Князь Горчаков». Немного лишенное прежнего значения, оно составляло вместе с цитаделью, расположенной как раз напротив, на правом берегу, второе из наиболее древних укрепления Ивангорода, имевших только исторический интерес.

В цитадели помещались комендантский дом, собор, офицерские дома и все крепостные службы, как-то: лазареты, интендантство, мельница и т. п.

В день моего прибытия 1-й батальон крепостной артиллерии готовился к отъезду в Брест, и в Ивангороде оставался только 1 батальон.

Легкая батарея скоро последовала за 1-м батальоном. Мне казалось, что необходимо срочно обеспечить от атаки открытой силой сначала укрепления левого берега, как наиболее выдвинутые.

Отремонтированные соответственным образом они могли бы сопротивляться внезапным нападениям неприятеля.

Таким образом, я решил привести их в оборонительное состояние, чтобы в случае крайней нужды иметь центр сопротивления на левом берегу. С этой целью я уложил вдоль по линии огня фортов земляные мешки и разделил линию огня траверсами.

Под валами были отрыты убежища на 8-10 человек, равно как и для скорострельных орудий; валы были снабжены однодюймовыми металическими щитами для наблюдателей, внутри фортов устроили подземное сообщение между валами и казармами, усилили кирпичные своды тюфяком из рельс с забивкой пространства между ними мелкими камнями. Имея в виду атаки, я снабдил сетями из колючей проволоки как дно рвов, так и подошвы гласисов.

В тоже время промежутки между фортами были заполнены стрелковыми окопами с убежищами сзади и проволочными сетями впереди.

Эти устройства, столь же скороспелые, как и случайные, назначенные для противодействия занятию укреплений внезапной атакой,—были усилены постройкой нескольких углубленных батарей для тяжелых орудий и расчисткой местности впереди фортов.

С другой стороны, зная, что неприятель хорошо осведомлен не только о состоянии укреплений, но и со всеми особенностями окружающей местности, я решил, ремонтируя старую линию фортов, построить новую—главную—вынести ее значительно вперед и считать старую линию второй линией.

Я отдавал себе отчет в том, что новая линия обороны могла состоять только из полевых укреплений, что она наверно будет слабее 1-й, но, наоборот, вследствие своей неожиданности она даст неприятелю большие затруднения из-за ее неизвестности.

Конфигурация местности диктовала устройство новой линии в растоянии 4-х километров от старой и в 7 километрах от моста.

Таким образом, новая линия (*План № 3.*) проходила через деревни фольварк Регов, Славчин, Залесье, Сецехов и Лое. Непосредственно впереди новой линии лежит низкая болотистая местность, бывшее русло реки Вислы, часть которого я хотел использовать для искусственного наводнения в моем проекте перестройки Ивангорода в 1910 году.

Если бы в то время он встретил более благоприятный прием, то работы, которые могут выполняться только в мирное время и которые требовали значительных расходов, были бы кончены к 1914 году.

Ивангород был бы неприступной крепостью в настоящем смысле этого слова.

В данное время нельзя было и думать о реализации этого проекта, и я должен был ограничиться использованием его в ничтожной доле, располагая совершенно примитивными средствами.

Эта долина шириной от 1½ до 3 километров отделяла новую укрепленную линию от высот, которыми неприятель мог воспользоваться как позицией. Итак, наиболее близкие из его батарей могли быть расположены не ближе 9 километров от моста.

Эта дистанция, учитывая современные орудия, мне не казалась опасной и потому, я окончательно остановился на проекте, только что описанном,

На следующий день по прибытии, я телеграфировал генералу Величко, прося его командировать ко мне нескольких саперных офицеров и через несколько дней прибыли сначала капитан Окинин и поручик Елизаров, а затем и другие.

Распределяя работы между ними, я назначил подпоручика Борисова на форт № 5, на форт Ванновский и смежные батареи военного инженера капитана Глазенапа, на форт № 6 капитана Волкова, на форт № 4 капитана бар. Штромберга. Капитан Окинин и офицеры крепостной саперной роты были поставлены на новую линию под начальством подполковника Беляева.

Спустя несколько дней работы развернулись полным ходом. С 6 часов утра все на местах, в полдень 1 час отдыха и затем работа снова до 7 и даже до 8 час. вечера.

В это время инженерные офицеры расплачивались с рабочими, а к 10-11 час. вечера собирались у меня для получения указаний на следующий день.

Я привлек к работам артиллеристов и офицеров Тульского пехотного полка во главе с их командиром полковником Курбатовым.

Я старался ежедневно об'езжать все работы, чтобы оказывать моральное влияние и давать советы на основании Порт-Артурского опыта.

Следует указать, что все были воодушевлены редкой энергией, я сказал бы необычайным энтузиазмом, и работы изо дня в день развивались среди общего согласия.

В данное время, мне совершенно невозможно решить кому принадлежало первенство по части усердия в общей работе: так велика была солидарность всех участников.

ГЛАВА III.

Развитие работ. Средства обороны.

По мере развития фортификационных работ вставала задача обороны в собственном смысле, т. е. вопросы вооружения и гарнизона, ибо первого совсем не было, а с другой стороны незамедлило дойти до нас известие об от'езде из крепости Тульского полка*). Не хватило и других оборонительных средств, как-то воздухоплавательных, авиационных, амбулаторий, сапер и т. д.

Поэтому при каждой встрече с комендантом, я ему напоминал о необходимости ходатайствовать без всяких отсрочек о всем, что нам недоставало.

---

*) Полк ушел к 14 кав. дивизии, действующей на левом берегу, в районах Кельцы, затем Илжа, Тарлов, Зволен. *Редакция.*

Генерал Михелис направлял ходатайства к командиру 14 корпуса генералу Мурдас—Войшин—Жилинскому, которому крепость была временно подчинена. Я также направлял свои ходатайства по различным инстанциям. Однако, ничего не прибывало. Тогда ген. Михелис посоветовал мне отправиться самому к генералу Жилинскому в Люблин и изложить ему мои просьбы. Я согласился и отправился в автомобиле, не помню точно которого числа.

Начальник Штаба 14 корпуса генерал Баландин, равно как и сам генерал Жилинский, приняли меня хорошо, выслушали со вниманием и обещали помочь крепости. В самом деле, через несколько дней из Брест-Литовска прибыло 26 тяжелых орудий, 32 саперная полурота, несколько инженерных офицеров, а затем полевой госпиталь.

Этот успех поднял дух гарнизона.

Скоро активность, проявленная Ивангородом стала известна в разных местах, и 4 августа ее посетил генерал барон Зальца, командующий 4 армией, которой подчинялся Ивангород.

При посещении работ, он мне сказал, что знаком с моими литературными работами, уже давно хотел познакомиться со мной лично и отдает себе отчет в той фактической работе, которую мы выполнили.

По мере прибытия инженерных офицеров организовались новые секторы работ. С начала августа мы занялись усовершенствованием фортов за №№ 1, 2 и 3, расположенных на правом берегу, тогда как до того времени работы велись только на 4-м форту.

К 5-6 августа на главной оборонительной линии мы начали делать затопление при помощи небольших запруд, образованных из земляных мешков, на маленьких речках, впадающих в Вислу, что заставило их выйти из берегов и затопить местность впереди укреплений.

Эти работы осуществлялись медленно, по секторам, но давали превосходные результаты.

8 августа Тульский полк покинул крепость, сопровождаемый легкой батарей. Наш гарнизон состоял лишь из артиллеристов и сапер.

В это время город Кельцы очутился в руках неприятеля, который наметил движение на Радом, расположенный в 57 километрах от Ивангорода. Уже покинул город губернатор, вице-губернатор и вся администрация, направившиеся на ст. Горбатка в 19 кил. от Ивангорода.

Целые дни над крепостью летали неприятельские аэропланы. Каждое их появление приветствовалось ружейным огнем, столь же обильным, как и беспорядочным, и притом вопреки

запрещению коменданта: каждый, у кого было ружье, начинал стрелять, конечно, безрезультатно.

9 августа рано утром мой денщик Афанасий влетел, как бомба, в мою комнату: «Слава Богу, полковник». «В чем дело», спрашиваю я. «Упал аэроплан, наши его подбили».

Наскоро окончив завтрак, я отправился в автомобиле на место падения. Я приехал, и каково было мое удивление, когда я увидел, что и аппарат, и летчик русские. Он летел из Варшавы на небольшой высоте, услышав ружейный огонь, решил снизиться. Летчик собирался идти жаловаться коменданту, но тот еще спал. Впоследствии разнесся слух, что рассерженный летчик подал в Варшаве рапорт, и это увеличило недовольство комендантом.

Другой курьезный эпизод случился с наводнениями. Устраивая одно из них, возле деревни Сецехов, капитан Глазенап спустил наполовину пруд, принадлежавший ксендзу, отчего погибла рыба.

Ксендз пожаловался коменданту. Последний вызвал Попова и приказал ему приостановить наводнения.

Генерал Попов вызвал меня и передал приказание коменданта. Зная, как наше начальство не любит давать письменных приказаний, я ответил, что прикажу капитану Глазенапу прекратить работы тотчас же, как получу письменное распоряжение генерала Попова.

Обратившись к коменданту, генерал Попов просил от него письменного приказа; рассердившись, комендант нашумел на Попова, но в документе отказал. Благодаря этому Попов не дал письменного приказа, и работы по наводнениям продолжались.

10 августа Радом оказался в руках неприятеля, и губернатор в сопровождении чиновников прибыл в Ивангород по пути в Варшаву.

В тот же день или на другой прибыл в Ивангород начальник 75 пехотной дивизии генерал-майор Штегельман со своим штабом, начальником которого был полковник Изместьев. Генерал Штегельман со штабом был размещен в верхнем этаже комендантского дома, как раз надо мной. Я давно знал Штегельмана, который, как инженер, обладал неоспоримым талантом к фортификационным работам, к полевым укреплениям.

Но он пошел по строевой части и во время японской войны командовал пехотным полком, насколько я помню, Зарайским. Он провел всю войну с полком и вернулся в чине бригадного генерала. Имея физический недостаток—ослабление зрения левого глаза—он должен был носить монокль. На это было обращено внимание, и после японской войны генерал не подвинулся по службе и дивизию получил лишь с об'явлением войны.

Зная его за превосходного инженера, хорошего начальника и честного человека, я был очень удовлетворен назначением его в Ивангород и надеялся, что с его прибытием сопротивляемость крепости усилится.

Оставалось неясным, какие установятся отношения между ним и комендантом, ибо Штегельман был старше в чине. Это сразу же вызвало толки и внесло на первый взгляд путаницу в вопросе о подчиненности.

ГЛАВА IV.

Назначение меня комендантом крепости. Вступление в должность. Первое появление неприятеля перед крепостью.

13 Августа в 7 час. утра я был вызван в Штаб крепости к телефону, связывающему крепость со штабом IV армии в Люблине. Меня вызвал начальник штаба IV армии генерал Гутор, который сразу же задал вопрос, ошеломивший меня: «знаете ли вы о назначении вас комендантом крепости?»

Я ожидал любого вопроса, кроме этого, не мечтая никогда о таком назначении. Было естественно, что подобный вопрос меня изумил; я ответил, что ровно ничего не знаю. «Я вам прочту телеграмму, которую мы получили» сказал тогда г. Гутор и прочел: «Приказываю (или приказано) передать командование Ивангородом генералу Шварцу. Алексеев».

Различные мысли пробежали у меня, пока г. Гутор читал телеграмму. Естественное чувство удовлетворения и гордости, которую мне давало назначение на такой важный пост, радость от сознания возможности с полною независимостью отдать все средства для обороны Ивангорода, эти чувства боролись с сознанием трудности обороны крепости и той ответственности, которую возлагало на меня это назначение.

Под влиянием этих чувств на вопрос г. Гутора после прочтения телеграммы: «Не правда ли, это про вас?» Я ответил «Я в недоумении, в телеграмме говорится про генерала Шварца, а я полковник, может быть есть кто либо другой?» Тогда г. Гутор сказал, что он все выяснит и вечером мне сообщит, а до тех пор просил меня никому ничего не говорить.

Я ушел в беспокойстве и весь день волновался.

Помню, что в этот день я был на 3 форту и заметил его недостатки более точно, чем когда либо. С другой стороны мне было тем более тяжело скрывать от коменданта сообщение г. Гутора, что между комендантом и мною установились добрые отношения, проникнутые полным доверием. Было ясно, что Штаб армии скрыл от него новость, и удаление из крепости для него будет очень тяжело.

Занятый этими мыслями, я искренне надеялся, что вечером мне сообщат о происшедшем утром, как об ошибке, и я решил ответить отказом, если утреннее сообщение будет повторено в виде предложения.

К 4 час. дня приходил поезд из Варшавы, с которым привозили газеты и все последние новости, еще не об'явленные. К этому часу на вокзале обычно собирался весь Ивангород.

С 3 форта я также поехал на вокзал, где и встретил коменданта. Он уже знал о моем утреннем разговоре со Штабом Армии и спросил меня, о чем я говорил. Не желая лгать и будучи связан данным словом, я ответил, что не могу сказать, но сообщу ему позднее. Наступил вечер, не принеся никаких новостей, и во мне укрепилась надежда, что произошло недоразумение, и это меня успокоило.

К 9 или 10 часам вечера у меня собрались: г. Штегельман, полковник Матвеев из его Штаба, полковник Беляев, начальник телеграфа кап. Орешко, мой племянник подпоручик Дмитриев и некоторые другие.

Вдруг в комнату, подобно вихрю, влетел Изместьев, крича: «Ура, поздравляю, полная перемена!» Он держал телеграмму Штегельману, другую мне, я прочел: «Вы назначаетесь комендантом крепости Ивангород и подчиняетесь Начальнику 75 пехотной дивизии с производством в генерал-майоры. Эверт». Это конец депеши, начала ее я точно не помню.

Увы, моя надежда не сбылась, и вместо предложения я получил формальный приказ. Чаша не миновала меня, сказал я себе, и с этого момента надо отбросить всякие колебания и действовать решительно и непоколебимо.

В телеграмме Штегельману говорилось, что он назначается комендантом всего укрепленного сектора, и что комендант Ивангорода ему подчиняется.

Не теряя ни минуты, мы с г. Штегельманом оделись в парадную форму и поднялись к коменданту, которому Штегельман передал телеграмму.

Было ясно, что генерал Михелис еще ничего не знал, и это было для него весьма неприятным сюпризом.

Не смотря на все, он овладел собой и сказал, что исполнит приказание. Я также показал ему мою телеграмму и просил его верить, что для меня она столь же неожиданна, как и для него.

В данное время я был рад назначению комендантом, но моя радость была омрачена сознанием, что в отношении ген. Михелиса со стороны Штаба Армии не было проявлено надлежащего такта. Когда мы возвратились, то нас уже ожидали в моей комнате новые лица. Меня все поздравляли и казались

искренне удовлетворенными. Скоро г. Штегельман ушел; я просил полковника Матвеева исполнить на эту ночь обязанность начальника Штаба и помочь мне составить мой первый приказ по крепости.

К 2 часам ночи наша работа была окончена.

14 августа в 7 час. утра я отправился в Штаб крепости, где узнал, что прежний комендант также получил телеграмму из Штаба армии и уехал туда час тому назад. Я приказал поставить в известность все части и учреждения крепости о моем назначении приказом по крепости.

К 8 часам прибыли в Штаб все начальники частей, которым я сообщил о моем назначении, обратившись к ним с обычным приветствием. После этого я об'ехал части, расположенные на левом берегу, останавливаясь в каждой роте.

Я говорил с солдатами и в простых выражениях об'яснил им о назначении Ивангорода помешать противнику перейти Вислу по железнодорожному мосту и угрожать Варшаве с тылу; что единственный железнодорожный мост здесь, и если мы выполним нашу задачу, то спасем Варшаву*), что они должны отдать себе отчет в том, что отступления от Ивангорода быть не может.

15-го Штегельман, Изместьев и я разработали план распределения сил гарнизона и схему наших взаимоотношений.

В тот же день, в сопровождении командира артиллерийской бригады 75 пех. дивизии и начальников секторов, я осмотрел всю крепость, чтобы окончательно установить, на случай нападения, позицию для полевых орудий 75 дивизии.

Но вечером г. Штегельман получил приказание Штаба IV армии оставить в мое распоряжение в Ивангороде только I пехотную бригаду. а с другой бригадой и со всей дивизионной артиллерией отправиться в направлении дер. Зволен и дальше.

В тоже время меня уведомили, что крепость подчинена непосредственно командующему IV армией. Таким образом, отпали все разработанные в согласии со Штегельманом проекты, и их трудно было восстановить.

Утром 16 прибыл капитан ген. штаба Дорофеев, командированный из Брест-Литовска в Ивангород на должность начальника штаба.

Малого роста, сухощавый с черными живыми глазами, он произвел хорошее впечатление и в самом деле показал себя хорошим работником; к сожалению, по характеру он был мало обходительным.

---

*) Полки 75 дивизии были сформированы из поляков.

В полдень генерал Штегельман отправился со своей бригадой, оставив мне полки Мстиславский и Дубенский.

В тот же день мы получили первые известия о движении неприятеля, направлявшегося из Радома на Ивангород. Я приказал переправить на левый берег оба полка и занять Мстиславским линию фортов, а Дубенский оставить в резерве.

Вечером отряды должны были занять аванпосты. 17 августа немцы заняли Горбатку, и их кавалерия направилась к Ивангороду.

Я был в отчаянном положении, но решил обороняться до конца. Я приказал усилить аванпосты и расположить их впереди укреплений в виду сооружений нашей главной оборонительной линии.

18 августа авангарды противника показались перед нашими аванпостами, которые тотчас же открыли пехотный огонь. Крепостная артиллерия еще не организованная и не расставленная не поддержала этой короткой перестрелки. Встретив сопротивление, противник отошел, а я приказал аванпостам остаться на месте. У меня не было кавалерии, чтобы организовать преследование, и я должен бы, ограничиться посылкой двух эскадронов пограничной стражи для наблюдения за движением противника.

Вечером мы узнали, что он окончательно отошел к Радому. Позднее я узнал, что этим движением немцы маскировали свой переход через Вислу у деревни Юзефов и, к счастью, не имели в виду в ближайшее время атаки Ивангорода.

Но в тот момент, я мог рассматривать это движение, как серьезную угрозу и не медля принял все меры к усилению оборонительных работ.

Пользуясь для этого осадным положением, подчинявшим мне все окрестности крепости в районе 25 килом. полосы, я приказал местной полиции собирать ежедневно до 5.000 рабочих и поставил на работу всех свободных от специальных занятий и учений в войсковых частях.

Это мне позволило заметно подвинуть работы на новой оборонительной линии, равно как и на старой линии фортов.

Увеличить число рабочих было невозможно за недостатком инженерных офицеров и сапер.

ГЛАВА V.

Поиски оборонительных средств. Мои сношения с г. Лечицким. Наш успех под деревней Ополье.

Необходимо заметить, что в первые же дни по моем вступлении в должность, я послал командующему армией рапорт, в

котором настаивал на срочности присылки в Ивангород всех необходимых оборонительных средств.

Я настаивал на необходимости возвратить в крепость батальон осадной артиллерии, который был отослан в Брест-Литовск 24 июля, дать мне возможность для борьбы с осадной артиллерией неприятеля выставить не только крупную артиллерию, но и могущую стрелять без платформ, как напр., 6″ (150 м./м.) крепостные гаубицы, снадбить меня также скорострельными пушками и для воздушного наблюдения привязными шарами, имеющимися в Брест-Литовске.

Высылка всего, что я просил, вероятно, задержалась бы, если бы не было движения неприятеля 17 августа на Ивангород.

Оно ускорило события, и вечером 18 у меня было все, что я просил. Мне выслали 28—6″ крепостных гаубиц, несколько длинных 6″ пушек, весом 120 пудов, 4—6″ пушки весом 200 пудов и 2 старых полевых пушки для отражения атак. В общем 56 орудий, что с ранее высланными давало 80—90*) орудий.

Конечно, это было немного, но все же кое-что. Прибыли батальон крепостной артиллерии и воздухоплавательная рота с 2 змейковыми аэростатами.

В следующие дни начало прибывать снаряжение и санитарные материалы, равно как и интендантские и инженерные.

Становилось ясно, что крепость мало по малу организуется и обеспечивается. Несмотря на это, я не переставал настаивать на высылке новых подкреплений людьми, оружием и материалами, и таким образом, скоро мы так с'организовались, что смогли оказать помощь нашим соседям, которым военные операции Ивангорода сослужили большую службу.

Вот в чем они состояли.

Вечером 19 или 20 августа деньщик доложил мне, что приехал генерал, который желает меня видеть. Я вышел в соседнюю комнату и увидел перед собой генерала среднего роста, сухощавого, сравнительно молодого, со светлыми усами. «Лечицкий» отрекомендовался он. Его сопровождал начальник штаба г. Гулевич, генерал-квартирмейстер пол. Эрдели и несколько других офицеров. Он мне сообщил, что только что назначен командующим IX Армии, которая должна сосредоточиться между Ивангородом и Люблином, но прибавил, «корпуса армии еще не прибыли, таким образом я пока Командующий без армии.»

Он был обеспокоен нуждами крепости и провел со мною ночь, дабы на следующий день осмотреть работы.

---

*) 84 орудия. Прим. Редакции.

Утром я сопровождал его при об'езде фортов и промежутков батарей левого берега.

Я показал ему артиллерию, присланную из Брест-Литовска, обратил внимание на гаубицы, стреляющие без платформ и предложил, в случае нужды и возможности, помочь ему моей артиллерией. Это потому, что он мне сказал о включении крепости в IX Армию и о моем подчинении ему.

Прошло несколько дней после его от'езда. Все время мы получали отчеты о военных действиях и, таким образом, узнали о движении австрийцев на Люблин, при чем их левый фланг был сильно укреплен, особенно местечко Ополье, против которого атаки наших были безуспешны.

24 августа я получил депешу от г. Лечицкого, который просил прийти ему на помощь, выслав 2 батареи 6″ гаубиц для обстрела Ополья.

В тот же день я приказал полковнику Рябинину приготовить 2 гаубичные батареи, а начальнику инженеров заказал достаточное количество ящиков для снарядов, командирам пехотных полков приказал доставить лошадей для перевозки гаубиц, а начальнику полиции Федорову собрать к месту выгрузки достаточное число подвод для снарядов.

Вечером 25-го два поезда вытянулись перед вокзалом. На платформы одного из них были погружены гаубицы, скрытые сеном, в крытых вагонах были люди, лошади и снаряды. Эскадрон пограничной стражи, назначенный для прикрытия батарей, занял другой поезд.

Около 9 часов вечера оба поезда отправились. К полночи они прибыли на ст. Вонвольница, где их уже ожидали несколько сот подвод, собранных Федоровым. Выгрузка окончена, лошади запряжены, и батареи отправились на позиции.

К восходу солнца гаубицы были на местах и открыли огонь против укреплений Ополье. Эффект был удивительный, действие 6″ тротиловых снарядов было могучее. Подготовка к атаке была выполнена превосходно, укрепления были разрушены и заняты нашими войсками в тот же или на другой день, точно не помню.

Австрийские пленные рассказывали позже, что они не понимали, откуда г. Лечицкий достал тяжелую артиллерию.

Взятием Ополья был сбит левый фланг австрийцев, и это послужило сигналом к их отступлению в Галицию.

ГЛАВА VI.

Мой проект обороны крепости. Подготовительные мера по гарнизону и по артиллерии. Маневры.

В это время работы по возведению главной линии заметно подвинулись, и мало по малу стал обозначаться тот план обороны, который следовало принять.

Предстоящее окончание укреплений на линии Регов-Славчин-Залесье-Сецехов-Лое придавало линии фортов второстепенную роль. Новая линия состояла из траншей и из нескольких самостоятельных полевых укреплений, все было усилено сетями из колючей проволоки, а местами искусственными заграждениями; она выходила длиннее линии фортов на 3 километра, и оборона ее требовала большого количества пехоты.

Местность между обоими линиями была очень низкая и почти целиком открытая к своей средине, что предоставляло большие невыгоды для установки тяжелой артиллерии. Высокий уровен грунтовых вод препятствовал устройству убежищ. Эти обстоятельства, равно, как и присутствие орудий, стреляющих без платформ, понудило меня принять план обороны, значительно отличающийся от обычных приемов, хотя и представляющий некоторый риск.

Он заключался в следующем:

1) Отстаивать главную оборонительную линию малыми силами, не превосходящими 1/3 гарнизона.

2) Иметь под рукой сильные пехотные резервы из 2/3 гарнизона.

3) Усилить гарнизон главной оборонительной линии большим числом пулеметов и легких пушек, т. е. полевых пушек, расположенных в самих укреплениях или вблизи их, которые должны открывать огонь против атакующих линий лишь в самый момент штурма.

4) Установить небольшое количество крепостной артиллерии из длинных орудий и вообще из менее подвижных на левом берегу, сзади линии фортов, 5, Ванновского и 6, в батареях глубоко утопленных в грунт и хорошо маскированных.

5) Вывести из крепости часть наиболее годной артиллерии и расположить ее на правом берегу Вислы в 2-х группах: 36 орудий на юге в лесу, соседнем с дер. Голомб и 24 орудия на севере, возле деревни Стенжица. Это расположение было совершенно непредвидено для неприятеля и позволяло нам развить сильный перекрестный огонь не только по его атакующим войскам, но и по его артиллерии.

6) Не ставить на позиции ни тяжелой полевой артиллерии, ни полевой скорострельной, но держать их в качестве подвижного резерва, и по ходу боя направлять их в те места, где артиллерия противника берет верх над нашей.

Кроме того, иметь также в резерве тяжелые осадные орудия. Для того, чтобы лучше раз'яснить детали только что изложенного плана обороны, я должен заметить, что еще со времени осады Порт-Артура я отметил малую роль, которую при обороне крепости могут играть наши тяжелые пушки старых образцов. Этот недостаток их зависит от их полной неподвиж-

ности. Чтобы установить батарею старых 6″ орудий, надо отрыть глубокие окопы, установить там платформы на специальных брусьях, устроить траверсы, приготовить погреба для снарядов и т. п.

Все это требует много времени и орудие, уже установленное, имеет лишь ограниченный обстрел. Чтобы переставить орудие, необходимо приготовить новое орудийное место, разобрать платформу и снова ее собрать, а вес самого орудия требует большого количества людей для его перемещения. Вследствие этого, в Порт-Артуре наши пушки, поставленные в специально приготовленные для них батареях, оставались там, пока не были подбиты огнем неприятеля.

Это дало возможность японцам взять в свои руки инициативу огня и сосредоточивать по их выбору, по любому сектору нашего фронта, такой огонь, какого мы не могли развить по их позициям. Если в редких случаях нам и удавалось развить более сильный огонь, то это лишь с наших морских орудий приморского фронта, повернутых в сторону суши, а также с судов нашего флота.

Вследствие этого, появилась настоятельная необходимость в подвижной крепостной артиллерии, т. е. в пушках, которые могли бы стрелять без платформ, не требуя устройства специальных батарей и могущих легко перемещаться.

После Порт-Артура я усиленно пропагандировал эту идею, как профессор Инженерной Академии и Офицерской Артиллерийской Школы.

В 1910 году в ГАУ мы выработали превосходный образец орудий этого рода в виде крепостной 6″ гаубицы с дальностью 9 километр. Вот почему в Ивангороде я усиленно добивался получить в крепость достаточное число этих орудий.

Мне удалось добыть 36. Для увеличения подвижности, я разделил их на 9 батарей по 4 орудия, передал им упряжных лошадей пехотных полков, купил сбрую и напрактиковал офицеров и прислугу крепостной артиллерии.

Артиллерийские группы в Голомбе и в Стенжице получили каждая по 1 батарее таких орудий, остальные орудия образовали резерв.

Если бы противнику удалось в данном секторе получить превосходство в огне, такое распределение позволяло мне тотчас же усилить сектор 28 тяжелыми подвижными орудиями, равно как и несколькими батареями полевых орудий, а в следующую ночь еще несколькими менее подвижными тяжелыми батареями, состоящими в резерве.

Разработанный таким образом план сводился к следующему:

1) К возможности массировать артиллерийский огонь образованием с одной стороны, 3-х мощных групп артиллерии: 1 в

центре и 2 на флангах, а с другой стороны, при помощи подвижного артиллерийского резерва;

2) К возможности ответить на атаки противника контратаками, держа в резерве 2/3 пехотного гарнизона.

3) К возможности быстро получать сведения и отдавать необходимые распоряжения путем специальной организации управления начальника артиллерии крепости и увеличением телефонной сети.

Я сообщил этот план подполковнику Рябинину и поручил ему организовать детали управления артиллерийским огнем крепости во время боя, и в тоже время я настаивал перед г. Лечицким об усилении гарнизона.

В конце августа крепость получила 2 бригады ополченцев: 24-тую генерала Краснокутского и 19-ую генерала Панафутина; затем пришел авиационный парк капитана Вегенера и к началу сентября прибыла еще пехотная бригада из состава 81 дивизии в составе Солигалического и Юрьевецкого полков.

Для окончательной организации крепости не хватало современных полевых орудий и нескольких батарей дальнобойных.

Этот недостаток также был устранен, и нам выслали 3 полевые батареи 81 дивизии, 4—6" орудия дальностью 13,2 килом., весом 200 пудов и 20 легких пушек старого образца.

Конечно, вооружение, добытое с таким трудом, не представляло большой мощности, но общая нужда на всех участках фронта была так велика, что не было возможности рассчитывать на что либо большее.

Надо было, как можно лучше, утилизировать то, что было. Укомплектовав гарнизон и вооружение, я начал приучать войска к атакам и обороне крепости. К маневрам я привлекал не только пехоту и артиллерию, но и инженеров, сапер и авиаторов.

Задача первого маневра была такова: Мстиславскому полку (полк. Будилович) с 2 легкими батареями было поручено овладеть крепостью внезапною атакою; выйдя из деревни Черный Ляс, он должен был идти на ферму Зволя и дер. Гневошов и атаковать наш сектор между Вислой и дер. Славчин. Оборона этого сектора была поручена Солигаличскому полку (полк. Ивановский), резервом служил Юрьевецкий полк. Кроме того, в его распоряжении был привязной шар и наблюдательный пункт в дер. Голомб.

В этой деревне находилась особая комиссия, назначенная специально для наблюдения за тем, какие деревья и поросли скрывали движение Мстиславского полка и помогали ему приблизиться к траншеям. Эта растительность тотчас же вырубалась.

Атакующий должен был обнаружить не только слабые пункты оборонительной линии, но наносить на карту, по мере

своего движения, те места, где он нашел наилучшие укрытие. Этот маневр обнаружил возможность для неприятеля приблизиться незаметно почти до линии аванпостов, особенно возле дер. Олексов, а потому было решено выдвинуть вперед в этом месте нашу линию, укрепиться впереди деревни, что имело, кроме того, большое значение, а также вырубить деревья и кустарники на левом берегу Вислы.

Второй маневр был ночной, и во время его бригада 81 дивизии атаковала дер. Сецехов возле дер. Словики-Неве. Задачей его было приучить пехоту к действию прожекторов, ракет и пушек, назначенных для отражения атак. Кроме этих больших маневров, каждый день поднимались привязные шары, и изучалась внимательно соседняя с крепостью местность, капитан Вегенер упражнял своих летчиков в полетах, полковник Рябинин подготовлял своих артиллеристов, а пехота упражнялась в стрельбе и совершенствовалась в строевой службе.

ГЛАВА VII.

Сформирование новых служб в гарнизоне. Движение немцев на Ивангород. Переход через Вислу нашего Гренадерского корпуса возле Новой Александрии. Организация управления стрельбой тяжелой артиллерии.

В средине сентября в крепость прибыли рота моряков и еще морской батальон специального назначения под командой капитана 2 ранга Мазурова. С ним прибыли 24—47 м/м морских пушки на неподвижных лафетах; я указал ему на бесполезность подобной установки и приказал, поставив их на колеса, назначить для отражения атак, к чему они были особенно пригодны вследствие легкости и скорострельности.

С ним прибыли также 4 морских 75 м/м орудия также на неподвижных лафетах. Установив эти превосходные орудия на одну из батарей, возле форта № 4, мы ими пользовались для стрельбы по аэропланам. Две другие противоаэропланные батареи были поставлены в 2 других вершинах равностороннего треугольника: одна на форт № 1, другая возле форта Ванновский.

Эти батареи должны были мешать полетам аэропланов над местностью и взаимно друг друга поддерживать. Следует отдать справедливость полковнику Рябинину, он очень хорошо организовал этого рода стрельбу.

Скоро прибавилась 5 воздухоплатательная рота кап. Дукш-Дукшинского и военно-автомобильный отряд из 10 грузовиков и 14 легковых. В тоже время закончились сформированием новые службы, осуществленные в самой крепости.

Так телеграфный взвод кап. Орешко развернулся в роту, была организована специальная прожекторная часть под командой прапорщ. Татаринова, было сформировано интендантское управление с кап. Сизовым во главе, который выказал себя превосходным интендантом.

Штаб был увеличен жандармским отделением под начальством кап. Гана, а также была сформирована пожарная команда под. нач. Глембовского.

Эвакуировавшийся из Радома генерал-майор Микеладзе предложил мне свои услуги и был мною назначен помощником по гражданской части. Пешая и конная полиция из Радома образовала отряды, которые были переданы в распоряжение производителей работ—инженеров для наблюдения за рабочими.

Каждый раз при посещении таких мест, которые были вероятными позициями неприятеля, я старался разгадать план противника и определить, что можно видеть на нашей стороне. Сначала мне показалось, что линия фортов № 5, Ванновский и № 6 очень хорошо маскирована густым рядом деревьев, но с дистанции 10 километров через зелень виден золотой крест крепостного собора с верхней частью купола. Это могло служить ориентировочным пунктом для противника, поэтому я приказал крест и золоченый купол прикрыть пихтовыми ветками. Заметив простым глазом видимость некоторых участков главной оборонительной линии, я приказал перенести траншеи по другую сторону препятствий, не изменяя наружного вида.

25 сентября окончились работы на оборонительной линии, а 26—неприятель появился перед крепостью.

Раньше, чем приступить к описанию боев под Ивангородом, я должен напомнить некоторые известные военные события, так сказать, внешние, но на самом деле тесно связанные с последующими событиями в крепости.

После занятия Ополье, началось преследование австрийской армии нашими войсками, проникшими глубоко в Галицию.

Скоро были взяты Ярослав, Львов и много других городов. Казалось, что австрийская армия совершенно расстроена, и через некоторое время наши окажутся в Перемышле и Кракове, но в это время немцы пришли австрийцам на помощь. Быстро перебросив часть своих сил с французского фронта, немцы снова заняли Ченстохов и Кельцы, угрожая Ивангороду и Варшаве.

Тогда наше верховное командование составило очень оригинальный и не менее смелый проект дать немцам приблизиться к Ивангороду, крепко удерживая эту крепость, перебросить наши главные силы на левый берег Вислы и завладеть г. Кельцами, чтобы отрезать немцам отступление в Германию.

С целью надежнее удержать Ивангород, было решено выслать в него необходимые подкрепления, и поэтому 8 сентября прибыл в крепость 3 Кавказский корпус ген. Ирмана; он не должен был входить в состав собственно крепостного гарнизона.

Я надеялся, что если этот план будет выполнен, кампания будет нами выиграна; но не прошло и недели, как все изменилось, проект этот был оставлен, и решено было отвести наши войска из Галиции и направить к Варшаве, чтобы ответить на маневр немцев аналогичным же маневром на самом фронте. Вследствие недостатка железных дорог, обеспечивающих быструю переброску войск, они начали походным порядком, корпус за корпусом, отходить к северу, минуя Ивангород. Не имея мостов между Ивангородом и Варшавой, начали строить мост в Гура-Кальварии в 27 кил. на юг от Варшавы.

Специальные корпуса были назначены для действия по флангам неприятеля. Одним из них был Гренадерский под командой ген. Мрозовского. Этот корпус должен был 20 сентября прибыть в Александрию и перейти Вислу в этом месте. В этих условиях я получил 15 сентября депешу от ген. Алексеева, почти отчаянную; он писал:« Я вас настоятельно прошу помочь мне и построить к 20 сентября в Новой Александрии мост для прохода войск с легкой артиллерией и т. д.» Этот приказ поставил меня в очень затруднительное положение, крепость была лишена каких бы то ни было материалов, пригодных для этой цели, и независимо от этого, вообще было почти невозможно построить в 5 дней мост на Висле, шириною в этом месте до 650 метров (304 саж). Но в это время для меня и моих сотрудников не было ничего невозможного.

Я назначил на постройку моста подполковника Беляева, жившего в Ивангороде несколько лет и знавшего хорошо, как все мосты этого района, так и средства, которыми можно располагать, равно как и самих жителей. Немедленно были разосланы в окрестности отряды для сбора старых барж, служащих для перевозки леса по Висле. Баржи были собраны в Н. Александрии, и работа пошла таким образом, что мост был готов к сроку.

Необходимо заметить, что, учтя недостаток в баржах, полк. Беляев решил поставить их не параллельно течению, а перпендикулярно и тем спас положение.*)

Между тем прибыл Гренадерский корпус ген. Мрозовского, но вместо того, чтобы воспользоваться мостом, он оставался несколько дней на правом берегу Вислы, и это едва не повело к потере моста. В это время немцы шли на Радом и заняли его

*) А. В. Шварц здесь ошибается. Мост в Н.-Александрии был на баржах, поставленных параллельно течению. Мост на баржах, поставленных перпендикулярно, был выше кр. Ивангорода, в районе Павловиц и у железн.-дорож. моста. *Редакция.*

без боя. Лишь тогда ген. Мрозовский перевел через Вислу батальон сапер и 2 полка пехоты, приказав им строить тет-де-пон, но не в 8 километрах от моста, а лишь в 2. *)

В крепости мы совершенно не знали о количестве неприятельских сил, не получая сведений от главной квартиры, и считали их в $1^1/_2$—2 корпуса.

22 сентября немцы заняли Радом.

В тот же день я получил директиву командующего 4 армией ген. Эверта, которому вновь была подчинена крепость, гласящую, что, перейдя реку у Ново-Александрии, генер. Мрозовский, идет вперед, занимает такие-то позиции в 8 килом. от моста, строит там укрепленный тет-де-пон и продолжает свое движение.

В сообщении г. Эверта перечислялись места, кои должен был занять ген. Мрозовский, и мне запрещалось стрелять по ним. Я дал соответственные распоряжения Начальнику Артиллерии крепости. Однако, ген. Мрозовский продолжал оставаться со своими главными силами в Ново-Александрии. Его штаб не установил никакой связи с моим, хотя на это имелось и время, и средства, и это было его прямой обязанностью. Тогда я приказал провести телефонную линию в Ново-Александрию за счет крепости и поставить один из наших аппаратов в штабе гренадерского корпуса. И всякими другими способами я стремился установить активную и тесную связь с командиром корпуса и его штабом.

Через несколько дней была закончена организация управления стрельбой тяжелой артиллерии, и орудия были установлены согласно моего плана, о котором уже говорилось выше.

4—6″ пушки весом в 120 пудов, экстренно присланные из Ново-Георгиевска, позволили мне еще лучше взять под огонь позиции, которые мог занять противник. Для этого я решил использовать превосходную позицию в лесу совсем близко дер. Гепки-Лесные в 1,5—2 километр. на юг от Голомб.

Трудно было туда доставить орудия, но к счастью, во главе железно-дорожной службы у меня был инженерный офицер поручик Мухин. В 2 дня он выстроил ветку от Голомба до Гепки и доставил туда орудия в желаемое время. Батарея была устроена, вооружена и присоединена к группе Голомб, командование которой было поручено гвардии полковнику Войно-Панченко.

Организация Управления тяжелой крепостной артиллерии в главных чертах была такова:

---

*) К сожалению, в руках Редакции нет матерьялов, которые могли бы осветить весь этот эпизод. Разведка позиции в 8 кл. от головы моста фактически была произведена, но свыше было указано укрепить позицию в 2 кл. Ее заняли 2 полка гренадер—Перновский и Несвижский. Ред.

1. В первый раз артиллерия может открыть огонь только по моему личному приказанию.

2. Я передаю мои приказания персонально полковнику Рябинину, который передает их начальникам групп, а эти последние в свою очередь отдают их командирам батарей.

3. Оборонительный фронт имел 3 группы: Голомбскую, Центральную и Стенжицкую.

4. Во главе каждой группы был поставлен начальник, имевший в своем распоряжении наблюдательный пост и соединенный телефоном с одной стороны с Нач. Артил. крепости, а с другой—с командирами батарей.

5. Начальник Артил. крепости находился на центральном посту управления стрельбой, расположенном в пороховом бетонном погребе в цитадели.

Здесь была карта в большом масштабе, как крепости, так и ее окрестностей. Самым точным способом были на нее нанесены все батареи. Она была разделена на квадраты стороной в 1″, и каждый из этих квадратов имел очередной номер. Каждый из этих квадратов был разделен на 25 маленьких квадратиков, обозначенных буквами и соответствующих в действительности 220 метров в стороне. Центральная и Стенжицкая группы обслуживались воздушными наблюдателями, находящимися в корзинах змейковых аэростатов воздухоплавательной роты.

Голомбская группа обслуживалась 5-ой ротой. Баллоны были соединены телефонами с начальниками групп и со мной.

Воздухоплавательные офицеры также имели планы, разделенные на квадраты. Как только офицер наблюдатель замечал на местности, занятой неприятелем, цель для стрельбы, как, например, батарею, скопление, прикрытие и т. п., он должне был тотчас же телефонировать начальнику соответствующей группы. Каждый раз, когда он замечал какую либо важную цель, как напр., движение значительных сил или появление неприятеля в новом месте, он должен был сообщить мне персонально. В таких случаях решение ставил я и отдавал распоряжение Нач. Артиллерии, который в свою очередь передавал его начальникам групп и так далее.

Во всех других случаях инициатива стрельбы принадлежала нач. групп, чем выигрывалось время. Для корректирования стрельбы каждая батарея имела наблюдательный пост, обыкновенно устроенный на дереве и хорошо замаскированный. Кроме того, с тою же целью, каждая батарея имела наблюдателя в 1-й линии главной оборонительной линии, соединенного телефоном с командиром соответственной батареи.

В общем телефонная связь была очень развита и действовала превосходно, без перебоя, что очень способствовало успеху обороны.

Нельзя найти благодарности командиру телеграфной роты кап. Орешко и унтер-офицеру Гаксия. Последний за оборону Ивангорода был награжден Георгиевским крестом и, по производстве в подпоручики, остался в своей роте.

ГЛАВА VIII.

Немцы перед крепостью. Бои 26 и 27 сентября.

Только что были закончены приготовления, как утром 26 сентября моя кавалерия, состоявшая из 2 эскадронов пограничной стражи и расположенная впереди аванпостов, донесла о занятии неприятелем вокзала на ст. Горбатка. В 2 часа дня второе донесение возвестило о наступлении немцев на Ивангород с кавалерией впереди. В 4 часа мои кавалеристы были уже оттеснены к крепости, в 5 часов наши аванпосты начали отходить назад, а в 6 час. вечера немцы показались перед нашими укреплениями, прикрываясь пехотными цепями. Они установили свои полевые орудия и в 6 час. 20 мин. открыли артиллерийский огонь против главной оборонительной линии.

Я должен напомнить, что, не имея никаких документов, пишу по памяти и имею в виду дать лишь общую картину или то, что зависело от моих приказаний.

Поэтому невозможно и даже бесполезно описывать все детали боев, развивавшихся под Ивангородом, они описаны в подробных рапортах, посланных Штабом крепости верховному командованию и, вероятно, сохранились.

25 сент., узнав о движении немцев на Горбатку, я выпустил приказ по крепости, в котором требовал от каждого оставаться на назначенном ему месте, точно исполняя поставленную ему задачу, не мешая соседу, сохраняя хладнокровие и владея собой. В том же приказе я прибавил, что Ивангород никогда эвакуирован не будет.

26 сентября гарнизон крепости расположен был следующим образом: вся крепость была разделена на 2 фронта: на фронт правого берега и фронт левого. Фронт левобережный, явившийся об'ектом атаки неприятеля, был разделен на 2 сектора: первый от дер. Лое до железной дороги, а второй от жел. дор. до Вислы возле Регова.

Командир Мстиславского полка полк. Будилович был назначен комендантом 1-го фронта, в котором 1-й сектор был занят Мстиславским полком, а второй Солигаличским. Кроме 24-ой бригады ополченцев, образовавших резерв коменданта 1-го фронта, весь остаток пехоты из 2 полевых полков и бригада ополченцев образовывал мой собственный резерв.

Я располагал еще, как последним средством, тремя отделениями пешей пограничной стражи, 2 конными эскадронами и, наконец, 2 инженерными ротами.

События 26 сентября развертывались с такой быстротой, что хотя я к ним и готовился, они поражали меня своей неожиданностью. Для обороны крепости необходимо быть во время осведомленным о движении неприятеля, чтобы раскрыть его намерения и парализовать их подходящими средствами.

Стремительность, которую проявили немцы в своей атаке на Ивангород, обнаруживала желание овладеть крепостью одним ударом. Казалось, что узнав о переходе главными силами ген. Мрозовского Вислы, который начался накануне их атаки, они решили покончить с Ивангородом нечаянным нападением, что дало бы им в руки переход через Вислу и позволило бы легко покончить с ген. Мрозовским.

Предвидя атаку против главной оборонительной линии, считая, что она будет в сумерки, и не желая обнаруживать, с первых же дней, расположения наших тяжелых батарей вспышками выстрелов, я приказал: «Артиллерии крепости не открывать огня до моего личного приказания. Артиллерия, назначенная для отражения штурма, должна открыть самый интенсивный огонь тотчас, как неприятельские стрелковые колонны начнут спускаться с высот, которые они занимают, направляясь на наши траншеи».

Этот приказ был передан на фронт к 4 часам дня, а к 6 час. неприятельская артиллерия открыла огонь против наших укреплений. С нашей стороны—полное молчание. В траншеях наши стрелки прикрыты щитами и амбразурами, на наблюдательных постах горят от нетерпения открыть места расположения неприятельской артиллерии и увидеть, наконец, давно ожидаемого противника, резервы собраны в назначенных местах, прислуга тяжелых орудий занимает батареи.

Немецкий огонь не очень интенсивен и не очень действителен. Судя по силе огня, можно было предположить, что стрельба идет, главным образом, из полевых орудий, примерно 2 бригадами, усиленными несколькими тяжелами орудиями.

Стрельба причинила лишь небольшие повреждения нашей главной оборонительной линии. Лишь в деревнях, соседних с укреплениями, произошло несколько пожаров, и было убито несколько ополченцев пулеметным огнем.

В траншеях было очень немного раненых. Этим ограничивались наши потери в 1-й день.

К 7 часам полков. Будилович донес мне о движении неприятельских колонн, я подтвердил мой приказ открыть против них самый интенсивный ружейный и пулеметный огонь, а также и из орудий полевой артиллерии тотчас же, как они

спустятся в долину. Вскоре после того, по всей линии фронта от дер. Олексово до дер. Сецехов началась оживленная ружейная стрельба, к которой вскоре присоединился огонь пулеметов, сопровождаемый сухими выстрелами полевых орудий.

Мало по малу огонь наших легких орудий усиливался до того, что отдельные выстрелы слились в общую кононаду. Спустившись с высот против деревни Славчин, неприятельская пехота оставила дер. Гневошов и появилась на опушке леса перед дер. Сецехов и Кляшторна Воля. Противник поддерживал свой артиллерийский огонь, сосредоточив стрельбу нескольких тяжелых орудий против фермы Опацтво и форта Ванновский.

Немецкая пехота подвигалась под нашим ружейным и орудийным огнем. Пользуясь местными прикрытиями, зарослями и кустарником, она продвигалась сравнительно быстро, но вскоре подошла к нашим наводнениям. Здесь она должна была двигаться уже открыто под нашим огнем, который достиг полной интенсивности.

Скоро наступила темнота, и с наблюдательных постов ничего не было видно, но сильный огонь длился до 9 часов. Затем он начал слабеть, в 9 ч. 30 м. все утихло, и полк. Будилович донес по телефону, что, попав в болота, немцы не могут продвигаться по затопленным местам и под нашим сконцентрированным огнем начали отступать по всей линии, преследуемые нашими аванпостами. Отойдя на 1—2 килом., немцы начали окапываться, но наши прожектора тотчас же их нащупали и мешали работать.

В это время прибыли по пути из ставки главноуполномоченный Красного Креста на Юго-западном фронте сенатор Иваницкий и уполномоченный при 2 Армии Гучков. С ними я отправился к 10 час. на форт Ванновский, где решил провести эту ночь. Я принял такое решение, найдя коменданта форта немного несоответствующим своему назначению, и думал, что гарнизон форта, попавший первый раз под огонь и расстроенный этим, будет себя чувствовать бодрее в присутствии коменданта крепости. Так все и было, как я думал. Ночь прошла спокойно, но мало кто спал, все спешили ее использовать для окончания работ.

К 3 часам утра послышался отдаленный шум кононады. Это немцы начали наступать против правого фланга г. Мрозовского, чтобы оттеснить его к Висле. По мере наступления дня кононада усиливалась. Вскоре наши наблюдательные посты донесли о движении немцев против правого фланга Мрозовского. Против же самого Ивангорода неприятель ничего не предпринимал. Позиции, к которым направлялся неприятель, были как раз те, по которым нам было запрещено открывать

огонь, но так как движение неприятельских колонн находилось как раз на дистанции нашей тяжелой артиллерии, то я дал приказ центральной группе открыть огонь по ним.

До наступления дня раздался 1-й выстрел с батареи, смежной с фортом Ванновский, из орудия 105 м/м (дальность 10 кил.). Скоро открыли огонь и другие батареи. Немцы начали тотчас же отвечать, но не открыли наших батарей и ограничились стрельбой целый день по фортам, особенно по форту Ванновский и по жел. дорож. мосту. В этот день немцы ничего не предпринимали против Ивангорода.

Что произошло у г. Мрозовского, мы ничего не знали, ибо, несмотря на поставленный нами телефон в его штабе, мы не получили никакого известия.

Наконец, к часу дня Начальник Штаба корпуса ген. Мрозовского попросил нас открыть огонь тяжелой артиллерии против дер. Гневошов и Высоке-Коло, где, по его словам, неприятель сильно сосредоточивается. Я приказал Голомбской группе открыть огонь, т. к. до сих пор она молчала. Не прошло почти и минуты, как крепостные орудия группы начали бомбардировку этих деревень тротиловыми снарядами, что вызвало поспешное бегство немцев. Но в 2 часа Начальник Штаба корпуса просил прекратить огонь, полагая, что эти 2 пункта, крайне необходимые для обеспечения правого фланга корпуса, теперь им уже заняты.

Не получая никаких известий в течение дня от ген. Мрозовского, я считал, что у него все в порядке, как вдруг около 7 час. вечера Начальник Штаба корпуса вызвал меня к телефону и сообщил, что вследствие отхода правого фланга весь корпус должен отойти за Вислу, и отход уже начался. Эта новость поразила нас, как гром среди ясного неба. Немедленно по телефону я просил приехать ко мне на форт Ванновский ген. Ирмана, командира 3 кавк. корпуса, жившего у меня в цитадели. Обдумав положение, создавшееся вследствие отхода г. Мрозовского, мы решили его поддержать, оттянув на себя часть немецких сил, для чего начать самим наступление. С этой целью г. Ирман назначил дивизию, а я бригаду 81 дивизии, и я поспешил уведомить о принятом решении Командующего армией в Люблине. К 9 час. вечера назначенные войска были собраны возле форта Ванновский и двинулись по направлению к Славчину. В 11 час. они должны были атаковать немцев возле Гневошева и соседняго леса. Но в это время прибыл офицер из Штаба 4 армии с приказанием прекратить наступление, т. к. ген. Мрозовскому приказано отойти за Вислу и ночью сжечь мост. Тот же офицер передал мне следующий приказ Главного Командования: «Во что бы ни стало, удержите плацдарм, занимаемый на левом берегу Вислы».

Генерал Мрозовский отошел на правый берег с остатками своего корпуса, потеряв в боях этого дня много убитыми и ранеными, а также 7.000 пленными вместе с 3 отнятыми противником батареями. *)

Генерал Ирман также отошел на правый берег. Крепость на левом берегу осталась одна со скромными средствами и с важной задачей.

ГЛАВА IX.

Развитие боев под Ивангородом. Эпизод возле укреплений у Олексово. Генерал Ирман. Развитие активных действий. Вокзальный сторож присланный немцами. Вылазка 2 октября.

Проведя ночь на форту, я возвратился утром в цитадель. Этот день прошел вполне спокойно, немцы были заняты перегруппировкой своих сил: те, которые находились в сфере нашего огня, тотчас же были обстреляны, на что немецкая артиллерия не замедлила ответить. Окончив в тот же день установку тяжелых орудий, они с утра 29 открыли огонь против мостов на Висле и Вепрже, против форта № 4, цитадели и колокольни костела в Опацтво, где был расположен наш главный наблюдательный пост; однако, этот огонь, производимый с предельных дистанций, не причинил нам большого вреда: в мост на Висле попали только 2 раза, и костел был попорчен в нескольких местах. Утром небольшой немецкий отряд сделал вылазку из деревни Гневошов в направлении дер. Ново-Регов. Недостаточно освоившийся с огнем, и боясь быть отрезанным этим движением, гарнизон нашего укрепления впереди дер. Олексово решил бросить его и отойти в деревню.

Узнав об этом, я приказал взять обратно укрепления, а в случае неисполнения предать всех начальников суду военного совета крепости, который должен был собраться 30 сентября в полдень или позже. Поддержанный 2 ротами резерва, гарнизон укрепления Олексово пошел тотчас же в контр-атаку, выгнал немцев и снова занял укрепление, вследствие чего я отменил мое распоряжение о созыве военного совета.

Раньше я уже несколько раз упоминал имя ген. Ирмана, армейский корпус которого прибыл в крепость в начале сентября. Я был очень рад прибытию ген. Ирмана, которого я знал еще с Порт-Артура, где мы вместе выдержали осаду; он приобрел репутацию офицера исключительно смелого и решительного, как защитник Высокой Горы, которую он оборонял с успехом вместе с командиром 5 стрелкового Восточно-Сибирского полка полк. Третьяковым и удерживал ее в течение

*) Две батареи 1-ой грен. дивизии. Редакция

многих месяцев. В Порт-Артуре его называли «храбрый из храбрых».

По прибытии его в Ивангород я предложил ему расположиться у меня, и мы с ним действовали не только в контакте, но как настоящие друзья, что имело, без сомнения, большое значение для обороны крепости.

Ему было приказано Командующим армией не входить в состав крепости. На его корпус была возложена задача активных операций, проектированных против немцев, приближающихся к Ивангороду с целью двигаться вплоть до Радома.

Позже этот проект был оставлен, и корпус генерала оставался без дела под Ивангородом на правом берегу Вислы.

28 генерал Ирман, его Начальник Штаба ген. Квицинский и я, исследовав положение, пришли к тому заключению, что немцы окопались перед Ивангородом и, не предпринимая в течение 2 дней никаких активных действий против крепости, имеют в виду построить перед крепостью оборонительную позицию против активных действий гарнизона. Придя к такому заключению, мы решили помешать немцам реализовать их план и, не ожидая конца их работ, предпринять немедленно наступление. С этою целью был принят следующий план: войска гарнизона, состоящие большею частью из резервов, мало привычных к полевым действиям, должны были каждую ночь делать вылазки на левом фланге и в центре крепости, а войска Кавказского корпуса, разделенные на 2 части, должны были пойти в наступление.

Перейдя на левый берег внутри крепости, одна группа должна была атаковать левый фланг немцев, а другая группа должна перейти Вислу севернее крепости и окружить тот же левый фланг немцев. Крепость в подкрепление 1-й группы давала 2 подвижные батареи 6″ орудий и все батареи центральной группы, которые могли взять под огонь дер. Словики-Неве и окрестности.

Вторая группа должна быть поддержана 3 тяжелыми батареями корпуса и всеми батареями Стенжицкой группы.

Мы сообщили этот план Командующему армией, и вечером 29 сентября ген. Ирман получил разрешение начать наступление, действуя особенно против левого фланга немцев, готовых окружить Ивангород.

С этою целью 52-ая дивизия корпуса Ирмана под начальством ген. Мехмандарова была переведена на левый берег возле дер. Павловицы, и под ее прикрытием мои офицеры Глазенап и Штромберг начали здесь строить мост; в это время другая дивизия этого корпуса под начальством ген. Артемьева, завладев нечаянной атакой дер. Мозолице-Нижние, начала на-

ступление против Словики-Неве, где встретила весьма серьезное сопротивление.

Доблестным войскам этого корпуса пришлось в течение нескольких дней идти в атаку по грудь в болотной воде.

Утром 30 сентября, после сильной бомбардировки нашего левого фланга, немцы атаковали укрепление возле Олексово, но на этот раз 2 роты, которые накануне бросили укрепление, блестяще отбили атаку, во время последней командир одной из рот был убит, а командир другой серьезно ранен.

В этот день Начальник железнодорожной жандармской полиции ротмистр Сувако нашел меня и доложил, что сторож Радомского вокзала, которого он знал персонально, принес мне письмо от Командующего немецкой армией в Радоме; письмо это он у сторожа взял, принес мне и привел самого сторожа, оставив его в Штабе.

Я посоветовался с начальником штаба капитан. Дорофеевым, сообщив ему новость. Так как согласно крепостного регламента я не имел права входить в какие бы то ни было переговоры с неприятелем, я решил не принимать письма, тем более, что оно было передано не через парламентера, как требовал обычай, а через какого-то путевого сторожа.

Мой помощник по гражданской части, разделяя этот взгляд, посоветовал сохранить письмо и назначить небольшую комиссию для ознакомления с его содержанием.

Я назначил ген. Микеладзе, начальника штаба крепости и ротмистров Сувако и Гана вскрыть письмо, ознакомиться с ним и доложить мне содержание лишь в том случае, если оно имело серьезное значение для обороны крепости; я приказал, кроме того, составить протокол комиссии и передать его в штаб крепости.

Так и было сделано. Содержание письма мне сообщено не было, и спросив по этому вопросу через несколько дней ген. Микеладзе, я получил ответ, что в письме не было ничего важного, кроме нескольких подлостей, которых мне не следует знать. Я не настаивал.

По ночам наши разведчики все время обстреливали фронт противника. Из их донесений 30 сентября выяснилось, что с начала наступления ген. Ирмана, немцы начали значительно усилять свой фронт и особенно в районе Гневошовского леса; везде они строили траншеи, усиленные блиндажами и сетями колючей проволоки. Ночью 1-го октября мы выслали отряд силой от 2 до 4 рот разрушить эти работы в районе Гневошова, но натолкнувшись на значительные немецкие аванпосты, этот отряд не смог исполнить поручения.

С утра 1-го октября немцы открыли сильный огонь против левого фланга нашей главной оборонительной линии, равно

как и против фермы Опацтво и фортов 5 и Ванновский. Наша крепостная артиллерия отвечала с полным успехом.

К 11 часам неприятель предпринял атаки против укреплений Олексово и деревни Славчин, которые были отбиты ружейным огнем гарнизонов этих пунктов, вместе с огнем легкой артиллерии. Несколько раз немцы возвращались назад и снова бросались в атаку. Наконец, около 3 часов была отбита последняя атака. Голомбская группа сослужила нам серьезную службу.

Дабы способствовать предприятию ген. Ирмана, я решил произвести в ночь со 2 на 3 октября большую вылазку против центра неприятельского расположения. Я поручил эту задачу Юрьевецкому полку, усиленному батальоном Мстиславского. Подвигаясь по обе стороны полотна жел. дороги, отряд должен был приблизиться скрытно к неприятельским позициям, атаковать их на опушке леса, завладеть его укреплениями и, продвинувшись до дороги с фермы Сецехов до Словики-Неве, там окопаться и держаться.

К несчастью, это движение не удалось: прибыв на неприятельские позиции, отряд ими завладел, но когда он втянулся в бой в самом лесу, наши роты перемешались, не установили необходимой связи и были выбиты из леса.

Отступая, некоторые роты попали в болото и понесли значительные потери. Несмотря на это, цель была достигнута. Положение дивизии Артемьева было облегчено, и он мог свободнее двинуться вперед.

ГЛАВА X.

Трудное положение дивизии Мехмандарова. Помощь, оказанная командующим V армией.

В это время положение дивизии Мехмандарова, оперировавшей против немцев со стороны Павловиц, сделалось очень трудным, так как немцы сосредоточили против него значительно большие силы, чем были у него.

3 октября ген. Мехмандаров нам донес, что если он не получит немедленно помощи, то будет прижат к Висле. Резервы, как ген. Ирмана, так и мои, были уже израсходованы для помощи ген. Артемьеву, потому я просил по телефону командующего IV армией помочь ген. Мехмандарову, но ген. Эверт отказал.

Мы были в страшном затруднении, когда мне вдруг доложили о том, что возле Ивангорода проходят корпуса V армии, направляясь к Варшаве. Я узнал, что командующий этой ар-

мией ген. Плеве со своим начальником штаба ген. Миллером ночуют в Леопольдово, совсем возле Ивангорода.

Я предложил ген. Ирману послать тотчас же наших начальников штабов к ген. Плеве, об'яснить ему положение и просить нам помочь. Уговорившись с ген. Ирманом, я тотчас же посадил ген. Квицинского и капитана Дорофеева на паровоз, который полным ходом пошел в Леопольдово. Там они нашли уже прибывшего ген. Плеве и ему обо всем доложили. Генерал понял положение и немедля дал приказ XVII корпусу, который был ближе всех к переправе через реку, направиться немедленно в Павловицы, перейти там реку частью через мост, который следовало выстроить, частью на баржах. Эта быстрая помощь позволила ген. Мехмандарову перейти в наступление и значительно расширить свои операции.

Однако, ему все еще не удалось связаться с ген. Артемьевым. Чтобы помочь им обоим, я приказал перенести к северу одну батарею Стенжицкой группы и формировать в крепости новую батарею из 6 дм. гаубиц, которую расположить сначала возле дер. Лое, а затем мало по малу приблизить к Модзолицам. С другой стороны, чтобы усилить связь между ген. Мехмандаровым, а также облегчить перевозку снабжения из крепости на фронт и эвакуацию раненых с фронта в тыл, ген. Микеладзе организовал 2 транспортные службы: одну речную при помощи буксирных пароходов и барж и другую помощью грузовиков.

Прибытие на театр действий целого корпуса заставило немцев перевести туда часть своих сил, которые до того действовали против Ивангорода. Однако, 5 октября неприятель снова попытался овладеть дер. Славчин и Олексово. Как и раньше, эта атака была подготовлена сильной бомбардировкой сектора между д. Регов и Сецехов, равно как и укреплений позади Опацтво и фортов № 5 и Ванновский.

Начинаясь с рассвета, канонада оканчивалась к 9—10 часам утра, когда начиналось наступление неприятеля. Он выходил из дер. Гневошово и из леса того же имени и наступал вдоль по левому берегу Вислы. Стало ясно, что неприятель стремится овладеть какой бы то ни было ценой дер. Олексово и Славчин, которые защищали подступы к промежуткам между фортами № 5 и Ванновский. Здесь прямая дорога к центру крепости.

Местность, отделяющая линию Олексово-Славчин от фортов № 5 и Ванновский, покрыта кустарником, местами высоким и густым. Если бы немцы завладели Славчиным и Олексово, то, пользуясь этим кустарником, они легко подошли бы к крепости. Но поняв сам значение этой позиции, я именно в этом месте, впереди форта № 5 и под прикрытием кустарника,

расположил мой главный резерв: полк Дубнинский (полевой) и бригаду ополченцев. Первый занял линию форт № 5—форт Ванновский.

Начатая в 10 часов, атака была отбита. Возобновленные несколько раз, они снова были отбиты, не смотря на то, что немцы доходили до проволочных сетей и местами их разрушали.

Между 2 и 3 часами последняя атака была отбита. Начальник Голомбской группы донес, что немецкий отряд, наступавший вдоль берега Вислы, был немедленно открыт наблюдательным постом, расположенным на колокольне в Голомбе, и в несколько минут уничтожен дочиста концентрированным огнем наших 6 дм. гаубиц и других батарей. Оставшиеся в живых бежали, и немцы остерегались возобновить это наступление.

Я помню, что после крепостных маневров в начале сентября, весь левый берег Вислы против дер. Голомб был очищен от кустарника, и немцы вынуждены были проходить это место в открытую в виду Голомбской группы; это им обошлось очень дорого.

В этот день мы понесли потери бо́льшие, чем во все предшествующие атаки.

Немцы уже освоились с дистанциями, и местами наши укрепления понесли значительные повреждения.

В этот день особенно сильно обстреливали церковь в Опатство, где произошел курьезный случай. Один немецкий снаряд пробил брешь в церковной стене почти около земли. Занимавшие окопы, окружающие церковь, нашли в бреши небольшой тайничек, из коего они извлекли сундучек, содержащий религиозные предметы, деньги и деловые бумаги. Сундучек с содержимым был сдан в штаб крепости. Осмотренные документы оказались векселями. Священник очень волновался, по поводу того, что немецкий снаряд выдал его сокровище, которое он так тщательно скрыл, и еще более обрадовался, когда узнал, что все цело.

Интересно отметить, что сначала почти беспрерывного бомбардирования немцы не смогли открыть места расположения наших крепостных батарей и до сих пор не попали в них ни разу.

Счастливое распределение крепостной артиллерии в 3 группах становилось очевидным изо дня в день. Все это поднимало дух гарнизона.

В следующие дни противник только поддерживал, мало по малу прекращавшуюся канонаду против нашей главной оборонительной линии, против костелов в Олексово и Опатство и против мостов. С нашей стороны—ответный огонь, тщательное

наблюдение и ночные вылазки малыми отрядами в одну-две роты, не дающие ему покоя.

Однако, немцам скоро удалось сосредоточить против ген. Мехмандарова и XVII корпуса столь значительные силы, что командир этого корпуса, который был передан в IV армию, считал невозможным дальнейшее удержание позиции. Вечером 6 октября ген. Ирман и я получили от г. Мехмандарова рапорт, в котором он доносил, что командир XVII корпуса решил отойти на правый берег Вислы; это решение было осуществлено в ту же ночь; ген. Мехмандаров нас предупредил, что, будучи предоставлен своим значительно ослабленным силам, он не сможет долго сопротивляться. Я тотчас телефонировал печальную новость командующему IV армией в Люблин. Узнав об этом, он отдал приказание командиру XVII корпуса и не думать об отступлении.

Тотчас же я переписал приказание командующего IV армией и послал его с 2 офицерами в Павловицы. Они туда прибыли к 1 часу ночи, когда отход корпуса на правый берег уже начался. Он был тотчас же остановлен, войска снова заняли свои позиции, и на следующий день немного на север через Вислу был переброшен наш XVI корпус, наступление которого на левый фланг немцев значительно облегчило положение XVII корпуса.

ГЛАВА XI.

Немецкое отступление от Ивангорода. Появление австрийской армии.

Оперативное направление XVI и XVII корпусов было прямо на Радом, в случае успеха нашего маневра немецкие войска, оперирующие против Ивангорода, были бы отрезаны от своего тыла. Было установлено, что немцы уже использовали здесь все свои свободные резервы. Поэтому, без сомнения, немцы и решили для этой цели использовать войска, блокировавшие Ивангород и ими усилить свои соединения, выставленные против XVI и XVII корпусов, заменив их австрийской армией ген. Данкля.

Исполнение этого отхода должно считаться примерным. Как и раньше, весь день 7 октября прошел в перестрелке; вечером и при наступлении ночи наши аванпосты ничего особенного не заметили, и лишь утром, пройдя во внутренность Гневошовского леса, наши разведчики нашли его брошенным, равно как и соседние участки.

Как только мне было доложено об отходе немцев, я тотчас же приказал их преследовать, зная, что они не могут быть

далеко. С этой целью из гарнизона был выделен отряд из 3 полков, 2 батальонов, 3 батарей полевой артиллерии и 2 эскадронов пограничной стражи. Этот отряд выступил около 8 часов утра, а я выехал осмотреть совершенно оставленные немецкие позиции.

В тоже время я приказал инженерам и саперам тотчас же нанести на карты все немецкие работы вдоль по линии обложения и тотчас же начать их срывать.

К полудню мы были на бывшей немецкой позиции, когда я услышал отдаленную канонаду и предположил, что, догнав немцев, наш отряд завязал бой. К 2 часам я вернулся в крепость, и через полчаса нарочный из отряда доложил, что, выйдя из крепости, наш отряд отправился 3-мя колоннами и в 15 километрах от крепости, возле дер. Черный Ляс, средняя колонна вдруг совершенно неожиданно увидала войска, двигавшиеся навстречу ей, которые оказались ничем иным, как авангардом австрийской армии, идущей на Ивангород на замену немцам. Начался бой; наш отряд начал отходить к крепости. Стало очевидно, что неприятель предпринимает наступление на крепость и, имея значительные силы, сможет, преследуя наш отряд, проникнуть силой на нашу главную оборонительную линию. Я послал приказание начальнику отряда не входить в крепость, а занять позиции впереди главной оборонительной линии, уперев правый фланг в Банковецкий лес, где должна быть установлена связь с войсками генерала Ирмана, а левый фланг в нашу главную оборонительную линию возле дер. Славчин.

Из 2-х полевых баталионов и из 2-х бригад ополченцев, которые оставались в моем распоряжении в крепости, я расположил 1 батал. на моем крайнем левом фланге, а ополченцев собрал сзади 2-й линии обороны. Но в то время, как с запада австрийцы приближались к крепости, внутри ее начали переходить Вислу части нашего гвардейского корпуса и 2-я бригада ген. Штегельмана.

Одна гвардейская кавалерийская бригада, под начальством ген. Маннергейма, первой перешла реку, за ней следовала 2 гвардейская дивизия, Финляндский и Московский полки, которые тотчас же были отправлены на поддержку нашего отступающего отряда.

Это движение остановило левый фланг австрийцев, но их правый фланг дошел до дер. Сарнов и начал окружать Солигаличский полк; этот маневр был поддержан сильным огнем против нашей Голомбской группы, о существовании которой им, очевидно, сообщили немцы.

Однако, огонь этой группы скоро заставил замолчать австрийские батареи. При наступлении ночи в крепость при-

была 1-я гвардейская бригада, и по моей просьбе Преображенский полк занял участок главной оборонительной линии от Вислы до дер. Славчин, где установил связь с Солигаличским полком, который к этому времени уже отошел на позиции и занял свой прежний участок около этой деревни. Так прошла ночь.

Кроме ген. Ирмана у меня остановился ген. Безобразов, командир гвардейского корпуса.

Прибыв в крепость, он тотчас же сделал мне визит и заявил, что, обязанный согласно регламенту стать под мое начальство, он это и делает.

Я отказался принять это подчинение, предложил ему действовать сообща и в дружеском согласии.

В течение ночи мы согласовали наши планы и приняли решение на утро начать наступление, главным образом, на нашем левом фланге. Так и было сделано. Но утром мы узнали, что накануне прибыл в Ново-Александрию XXV корпус ген. Рагозы, часть которого уже перешла Вислу и начала наступление. Мы тотчас же установили связь с ген. Рагоза и предложили ему координировать наши действия. Он принял наше предложение с гораздо большой готовностью, чем недавно ген. Мрозовский. В течение этой войны я не знаю более тесного сотрудничества чем то, которое с первого же часа установилось между ген. Рагоза, мною и генералами Безобразовым и Ирманом.

Когда один из моих соседей нуждался в помощи крепостной артиллерии, мои артиллеристы ценой невероятных усилий подвигали вперед свои батареи на 5—6 кл. даже за главную оборонительную линию; за это и я никогда не получал отказа, когда какой либо из моих участков нуждался в пехотной помощи.

Надо отдать справедливость австрийцам, что они защищались с исключительной стойкостью, уступая местность шаг за шагом.

9, 10 и 11 октября бои шли интенсивно с частичным переменным успехом, то с нашей, то с австрийской стороны. Однако, в течение этих дней наша крепостная артиллерия, особенно Голомбская группа, подбила несколько тяжелых австрийских орудий, которые позднее были взяты войсками ген. Рагозы.

ГЛАВА XII.

Разгром австрийцев. Наша победа.

Развиваясь постепенно, наше наступление стало особенно энергично 12 октября в тот момент, когда ген. Рагоза еще усилился прибытием XIV корпуса.

В этот день мои крепостные гаубицы были расположены за главной оборонительной линией возле дер. Банковец, откуда они бомбардировали дер. Полично, подготовляя атаку этой позиции войсками ген. Штегельмана и 2-й гвардейской стрелковой бригадой.

Другая гаубичная батарея была выдвинута на окраину Сарнова; в то же время 200 пуд. орудия бомбардировали Черный Ляс, причем часть пушек, составляющих Голомбскую группу, приняла участие в действиях гвардейского корпуса, а другие поддерживали XXV корпус, установив связь с его наблюдательным пунктом.

Вечер был отмечен колебанием австрийцев, отход которых сделался заметным.

Однако, их центр крепко держался около деревни Бердзежа. Тогда из крепости были двинуты 2 новые гаубичные батареи. С утра 13 они открыли огонь против деревни и леса Бердзеж, который в то же время был окружен нашим гвардейским корпусом.

К вечеру почти весь австрийский центр был отрезан от флангов и окружен. Ночью и на следующий день началось беспорядочное отступление и преследование. Австрийцы были совершенно разбиты, и мы взяли более 15.000 пленных.

К несчастью, наша кавалерия была несколько сзади, и преследование не дало тех результатов, которых можно было ожидать. Корпус Ирмана и дивизия Штегельмана двигались вперед, гвардия снова заняла правый берег, в крепости оставалась только 81 дивизия.

Вечером все в крепости ликовали, я об'ехал войска и благодарил солдат.

Я мог, наконец, спокойно выспаться ночью 15 октября— первый раз после 13 августа.

Я крепко спал, когда я вдруг был разбужен шумом, как будто многочисленных войск, идущих через крепость. Я встал, открыл окно и увидел многочисленные ряды австрийских пленных, проходящих мимо дома по направлению к вокзалу....

Так кончилась первая серия боев за овладение Ивангородом.

Гарнизону Ивангорода были поставлены 2 задачи главным командованием юго-западного фронта.

Первая, в августе, когда я был назначен комендантом крепости — требующая довольно неопределенно «защищать переправу через Вислу», вторая, которая была мне прислана при приближении неприятеля, была более точна—«Во что бы то ни стало сохранить плацдарм на левом берегу Вислы».

Ивангороду удалось полностью осуществить обе задачи: он сохранил мосты, что дало возможность 4, 5 и 9 армиям

переходить на левый берег Вислы, и он сохранил тет-де-пон, без которого наступление этих армий было бы невозможно.

В конечном результате, успех всего маневра, задуманного ген. Алексеевым и заключавшегося в удержании правого фланга немцев перед Ивангородом, чтобы бросить из Ново-Георгиевска на левый фланг немцев всю нашу 2-ю армию, этот успех обязан Ивангороду, ибо он выполнил свой долг. Если бы, наоборот, мы не справились с этой задачей, и неприятель овладел Ивангородом и перешел бы Вислу, не только план ген. Алексеева был бы сведен на нет, но нашим 4, 5 и 2 армиям, оперировавшим на севере от Ивангорода, угрожала бы большая катастрофа, равно как и войска 9 и 3 армий на юг от Ивангорода оказались бы в исключительно тяжелом положении.

Все в крепости оценивали хорошо свою роль с этой стороны, вот почему велика была наша общая радость, когда неприятель был отбит.

Общие потери гарнизона, гвардейского и 3-го Кавказского корпусов были до 35.000 человек, из коих до 3.500 человек гарнизона.

Следует заметить, что все эти потери относились только к пехоте, крепостная артиллерия не потеряла ни одного человека, ни одной пушки. Это об'ясняется тем фактом, что неприятелю не удалось открыть расположения ни одной из наших батарей.

Организация управления стрельбой тяжелой артиллерии дала наилучшие результаты, как по расположению ее 3-мя группами, так и по службе наблюдательных постов, которые осведомляли нас о движениях неприятеля по его стрельбе.

Выдвижение вперед нашей главной оборонительной линии к Олексово, Славчину и Сецехову также играло огромную роль вследствие своей полной неожиданности для неприятеля и по той легкости, которую она давала нашим войскам для перехода в наступление.

15 и 16 октября в крепости царило огромное одушевление. Устроена была чистка, приведена в порядок цитадель, а также готовились к параду, который я назначил на 17-е октября.

17 октября утром, после церковной службы был парад войскам гарнизона, в котором приняли участие части, участвовавшие в боях, в том числе и одна 6" гаубичная батарея, специально снятая для этого с позиций.

ЧАСТЬ II.

ОБОРОНА В 1915 Г.

ГЛАВА I.

Осмотр немецких работ, исполненных на линии обложения. Основная идея новой оборонительной линии.

Наше празднование было непродолжительно, слишком много срочных задач ожидало исполнения. Так, в первую очередь необходимо было срыть все немецкие укрепления, (*план № 3*). Это было не так легко, ибо они были, по нашему обследованию, весьма солидно укреплены по всей позиции, идущей от высот соседних с дер. Гневошов до Мазолице, включая дер. Словики-Неве. Повсюду мы наталкивались почти на непрерывную линию траншей, местами двойную, с траверсами и блиндажами и снабженную сзади глубокими блиндированными убежищами, которые немцы назвали, напр.: «вилла Анна, вилла Амалия» и т. п., очевидно, в честь дорогих им дам. Перед постройками местами были проволочные сети, главным образом, на деревянных кольях; наконец, мы были связаны нашими же наводнениями.

Прочность всех этих работ указывала на то, что немцы не расчитывали на быстрый конец операций. Все эти работы были нанесены на карты, и затем были приняты меры к их уничтожению.

Другой задачей, также спешной, являлось обследование леса от Банковец до Козениц и Горбатки для очистки его от оставшагося неприятеля и от трупов. Наконец, по всему полю сражения по линии Янов, Черный Ляс, Полично следовало собрать многочисленные ружья и снаряжение австрийцев.

Эту работу я возложил на полковника Рябинина, и он хорошо с нею справился при помощи штаба крепости. Хотя военные операции несомненно установили, с одной стороны, целесообразность устройства нашей обороительной линии от Регово на Олексово, Сецехов и т. д., но с другой,—с неменьшей очевидностью, они показали многие ее несовершенства, из коих первое и наиболее серьезное заключалось в том, что линия обложения командовала нашей оборонительной линией, вторым недостатком нашего расположения являлись наши собственные наводнения, которые, отдаляя нас от атакующего, представляли серьезные препятствия для его действий, что и являлось главной моей целью, но в то же время значительно затрудняли наше наступление, как это и было с дивизией

Артемьева против «Словики-Неве» и Юрьевецкого полка против леса Банковец. Наконец, в третьих, если дистанция, отделяющая нашу главную оборонительную линию от центра крепости и была достаточна для последних боев и достаточно хорошо обеспечивала цитадель и мосты, то можно было с уверенностью сказать, что для будущей атаки немцы не преминут привезти орудия более крупных калибров, и тогда центр крепости наверно пострадает. В конце концев, все наши работы, устроенные в два месяца, были слабы и наверно были бы снесены огнем неприятеля. Вот почему мне представлялась новая чрезвычайно важная задача: немедленно построить систему укреплений, вполне обеспечивающую переправу через Вислу в Ивангороде, которую мы могли бы удержать, каковы бы не были впредь пущены в дело неприятельские силы и средства.

Поэтому мне следовало:

1) выдвинуть вперед значительно нашу главную оборонительную линию,

2) не строить более полевых укреплений, но только долговременные,

3) сосредоточить в крепости необходимую артиллерию,

4) иметь под рукой достаточно многочисленный гарнизон.

К июлю месяцу 1915 года три из этих четырех задач были разрешены, четвертая же решения не получила по причинам, от меня не зависящим, что, как это видно будет, повело к катастрофе, которая могла бы уничтожить все огромные затраченные усилия для создания действительно солидной крепости,

Я уже начал составлять рапорт главному командованию, об'ясняя все эти соображения, как вдруг произошли события. отвлекшие меня на некоторое время от этой работы.

ГЛАВА II.

Приготовление к осаде Кракова. Новые оборонительные работы в Ивангороде.

Преследуя австрийцев, отступающих от Ивангорода, наши войска быстро подошли к Кракову. Гвардия была уже в виду линии его фортов, а третья армия уже овладела Величкой. Каждую минуту мы ожидали новости о взятии Кракова, как вдруг прошел слух, что атаки этой крепости не будет, что наши войска получили приказание остановиться и пойдут в другом направлении, а для овладения Краковым будет сформирован новый корпус.

В самом деле, я скоро получил оффициальное подтверждение этой новости.

30 октября я получил телеграмму от ген. Алексеева, извещавшую о моем назначении на должность начальника инже-

неров специального корпуса, предназначаемого для осады Кракова. Однако, меня связывали с Ивангородом такие тесные отношения, что я просил разрешить мне сохранить, при новом моем назначении, должность коменданта Ивангорода, что не только не повредило бы делу, но, наоборот, было бы полезно, так как позволило бы для осады Кракова использовать необходимое Ивангородское имущество.

31-го октября я отправился в Брест-Литовск. Комендант этой крепости, генерал-от-артиллерии Лайминг, был назначен командующим армией, которая должна была действовать против Кракова, и он вызвал меня на совещание.

Здесь я встретил генерал-майора Филимонова, прежнего генерал-квартирмейстера армии Самсонова, который в это время исполнял обязанности начальника штаба при генерале Лайминге, генерала Руктешеля, начальника артиллерии крепости и генерального штаба полковника Свечина. Мы собирались у ген. Лайминга два или три раза, и как раз в это время немцы предприняли наступление против Варшавы.

К средине ноября произошли известные бои под Лодзью. Наши войска отступили по всему фронту, а также и от Кракова.

Лишь в настоящее время, после окончания войны, я узнал из достоверного источника, что как наша остановка, так затем отход от Кракова, зависели от недостатка огнестрельных припасов, который уже давал себя чувствовать *).

Отступление наших войск имело благоприятное последствие для Ивангорода, ибо оно заставило штаб главного командования поспешить разрешить нам начать новые работы.

Они охватывали большую площадь и требовали больших технических сил. Зная недостаток в инженерных офицерах, я тотчас же вызвал некоторых из моих знакомых штатских инженеров, которые очень скоро освоились с фортификационными постройками и сделались превосходными войсковыми инженерами, таковыми были Васильев, Васильков, Купчевский, Рубанов, Суренко, Персианов и др. Затем я возбудил ходатайство о назначении в Ивангород тех военных инженеров, которые по мобилизации попали в пехоту. Таким образом, я извлек из обозного баталиона прекрасного инженера капитана Ивохина, к нам, кроме того, прибыли также полковники Крестинский, Иванов и подполк. Мединский—очень способный инженер, и несколько других.

Наконец, я получил разрешение взять из Брест-Литовска половину инженерных офицеров. Чтобы пополнить недостающее

*) Эти слова А. В. Шварца еще раз подчеркивают, насколько штабы армий, фронта и Верховного не считали необходимым шире осветить общую обстановку таким лицам, как комендант крепости, имеющей огромное значение именно для Юго-Западного фронта, и где шли, в связи с этим, большие работы. *Ред.*

число сапер, я получил разрешение сформировать крепостной саперный полк в 4 баталиона.

Утилизируя моряков, я сформировал два минных отряда. Лишь тогда оказалось возможным приступить к работам на всем протяжении фронта на левом берегу и перенести их на 20 килом. от фронта, захватив ими Ново-Александрию, Горбатку и Козеницы (через Полично) *).

Поручив инженерам разработать план новых работ, я дал им следующие директивы:

1. Укрепленная позиция должна представлять собою не узкую линию, но широкую укрепленную полосу, содержащую несколько рядов фортификационных сооружений, комбинированных таким образом, чтобы потеря одного из таких укреплений, или даже целого участка, не вызвала бы необходимости оставлять другие **).

2. Созидаемые сооружения должны быть полевой профили, и должны быть утилизированы самым широким образом такие искусственные оборонительные средства, как проволочные сети.

3. 1 или 1,5 кил. сзади 1-й полосы должны быть устроена вторая.

4. Совершенно особое внимание должно быть обращено на средства сообщения между передовыми позициями и центром укрепленной позиции, дабы обеспечить быструю, беспрерывную подачу боевых припасов на участки фронта и осуществлять быстрое перемещение тяжелых орудий. С этой целью: 1) построить линию ширококолейной жел. дороги в 34 кил. длиной от 13-й версты государственной дороги вправо до Козениц и влево до Гневошова; 2) уложить узкоколейную ж. д. вправо и влево от вокзала в Горбатке и соединить эту дугу с центром крепости несколькими радиальными дорогами; 3) устроить мощеные дороги: а) от форта № 5 в Олексово; б) от форта Ванновский в Кляшторна Воля и далее до дер. Полично, в) от того же форта на Сецехов, Мозолицы и Козеницы, г) от дер. Словики-Неве до Гневошова, пересекая ж. дорогу на 13-й версте; 4) для облегчения переправы построить 3 постоянных деревянных моста: 2 в Ивангороде (1 на Висле и 1 на Вепрже) и 1 у Козениц.

К средине ноября работы начались.

---

*) На приложенных к книге планах эти работы не показаны. Общее понятие дает план № 2. *Редакция.*

**) Напомним, что это было еще в ноябре 1914 г., когда заграницей только недавно перешли к позиционной войне, но формы укреплений—полосы, линии и т. д. еще не были выработаны. В ноябре 1914 г. французская гл. квартира в «инструкции для применения фортификации во время операций» ни слова не говорит о глубине расположения. (Военно-Инженер. Зарубежник № 1). Здесь же идет речь не только о крепостной позиции. *Ред.*

Дабы судить о быстроте их производства, можно указать, как пример, постройку 34 верст жел. дороги нормальной колеи в несколько дней.

ГЛАВА III.

Мое представление Главнокомандующему. Мои сношения с ген. Алексеевым. Позиция Радом-Гройцы. Ее устройство и возражения ген. Рузского.

Насколько я помню, 3 декабря я был вызван Главнокомандующим Юго-Западного фронта в Холм.

После короткого разговора Главнокомандующий генерал-от-артиллерии Иванов направил меня к своему начальнику штаба, чтобы я с ним поговорил о цели моего приезда.

Я уже давно знал ген.-лейт. Алексеева. Наше знакомство началось в 1909 г. в Новогеоргиевск по случаю учебной поездки офицеров Генерального Штаба для ознакомления с этой крепостью и с теми условиями, в которых могли примерно разыграться военные операции возле нее. Генерал-майор Алексеев, служивший в то время в Управлении Генерального Штаба, был назначен руководителем этой поездки, ген. Маниковский—руководителем по артиллерийским вопросам, а я—по инженерным. Мы пробыли в Новогеоргиевске около недели, в течение которой сожительство установило тесные отношения между ген. Алексеевым, Маниковским, мною, полк. Елчаниновым и Свечиным. В это время из Петербурга прислали ген. Алексееву проект перестройки Новогеоргиевска, составленный Главным Инженерным Управлением; ген. Алексеев поручил мне ознакомиться с проектом и доложить ему о возможном осуществлении его. Так как я уже достаточно хорошо ознакомился с особенностями местности, то с удовольствием взялся за это дело. Ознакомившись с проектом, я заметил, что авторы совершенно не обратили внимания на особенности местных условий, обязывающие составить проект совершенно в другом духе. Дело в том, что, проходя по двору цитадели, я обратил внимание на значительную глубину колодцев, свидетельствующую об очень низком уровне грунтовых вод, особенность, которая позволяла построить внутри цитадели многочисленные подземные убежища для гарнизона и припасов, глубина которых являлась бы достаточной гарантией против снарядов неизвестно каких калибров.

С другой стороны, местность перед старыми фортами левого берега допускала искусственные наводнения; что касается сообщения между различными пунктами крепости, разделенными Вислой, то их легко было осуществить, построив тоннель под Вислой.

Ни одно из этих местных условий не было принято во внимание; так я заключил свой рапорт, добавив, что проект носит чисто академический характер. Генерал Алексеев вполне со мной согласился и предложил разработать и представить ему мой собственный проект перестройки Новогеоргиевска.

Я принялся за дело с увлечением и просил принять в нем участие выдающегося инженера полковника Шошина, хорошо знавшего Новогеоргиевск. Мы вместе разработали проект, который я представил ген. Алексееву.

Мы считали, что исполнили хорошую задачу, полезную для государства, но это оказалось началом большого скандала и большой неприятности для нас обоих. По возвращении в Петербург ген. Алексеев представил наш проект ген. Палицину, начальнику Генерального Штаба, который по ознакомлении назначил комиссию из офицеров Генерального Штаба и артиллеристов, принявших единодушно наш проект. Тогда ген. Палицин послал проект в Главный Крепостной Комитет, имевший в то время председателем генерала-от-инфантерии Протопопова, исполнявшего свои обязанности с любовью и добросовестно. Он вызвал меня и просил дать ему некоторые добавочные об'яснения.

Выслушав, он сказал, что вполне присоединяется к моему проекту, представит его Комитету, и я буду вызван на заседание для его защиты. По моей просьбе инженер Шошин был также приглашен. В это же время ген. Протопопов сообщил мой проект в Главное Инженерное Управление. Тут поднялась буря, и начальник Управления, мой непосредственный начальник, сделал мне упрек в том, что я представил мой проект вопреки правилам, т. е. помимо Главного Инженерного Управления.

Этот эпизод в дальнейшем имел влияние на служебную карьеру Шошина и мою. Несмотря на это, мы защитили с большим успехом наш проект перед Главным Крепостным Комитетом, и работа шла к концу, когда совершенно неожиданно военный министр ген. Редигер был заменен другим лицом, ген. Сухомлиновым. Скоро был расформирован Крепостной Комитет, и проект перестройки Новогеоргиевска канул в воду.

В Военном министерстве укрепилась новая идея—уничтожения крепостей: почти в течение 4-х лет оказалось невозможным поднять вопрос о перестройке крепостей, что нанесло непоправимый вред нашей военной готовности.

Лишь к концу 1912 года стали отдавать себе отчет в громадности допущенной ошибки, и вновь возник вопрос о перестройке крепостей, но и на этот раз не было принято удовлетворительного решения. В это время генерала Алексеева не было в Петербурге, он был начальником штаба Киевского

воен. окр., куда был вызван командующим войсками округа ген. Ивановым. При таких обстоятельствах я познакомился с ген. Алексеевым, но в течение 5 лет, когда я был связан службой в Петербурге, мне не пришлось видеться с ним вплоть до самой войны.

Лишь будучи назначен комендантом Ивангорода, что, без сомнения, произошло при участи ген. Алексеева, я снова встретился с ним во время поездки в Холм.

По виду он мало изменился и особенно остался таким же простым и приветливым, как и был: он не ограничивался тем, что выслушивал мнения докладчиков, но старался их вызвать. На этот раз ген. Алексеев мне показался озабоченным. Он ознакомил меня с расположением войск на фронте впереди Ивангорода, указал на опасение, чтобы энергичным давлением противника наши войска не были бы прижаты к Висле, и сообщил, что по его сведениям немцы имеют определенное намерение форсировать Вислу между Варшавой и Ивангородом. Поэтому он решил создать впереди этого промежутка, примерно между Радомом и Гройцами, солидно укрепленную позицию с свободными проходами между ее флангами, Варшавой и Ивангородом, (*план № 4.*) Сообщив мне этот проект, ген. Алексеев сказал, что он поручает мне его осуществление и просит исполнить его в самый короткий срок. Таким образом, к работам собственно Ивангородским прибавились еще работы по укреплению позиции Радом-Гройцы.

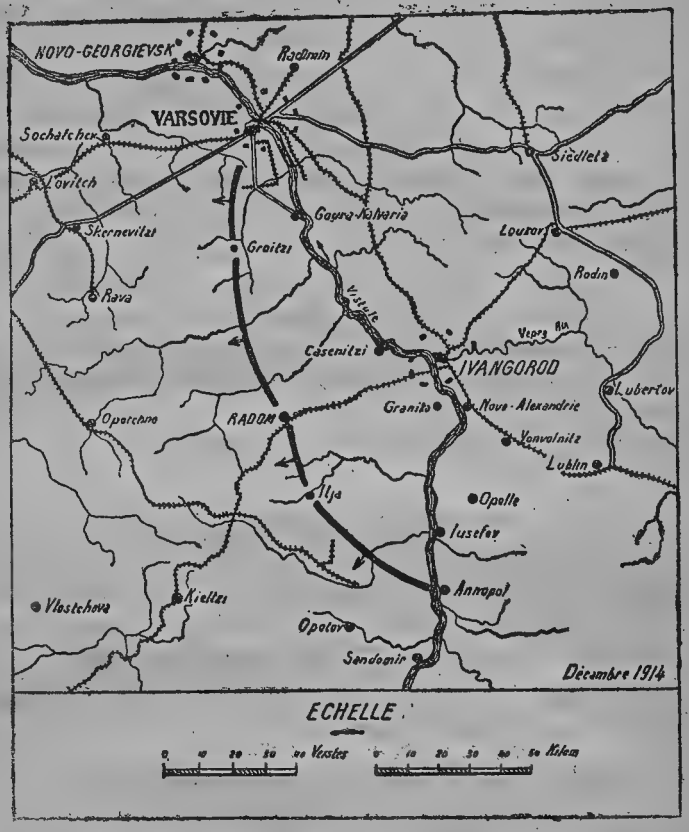
На следующий день в Ивангород прибыла группа офицеров Штаба Верховного Главнокомандующего; с ними я отправился ознакомиться с Радомской позицией.

Когда мы начали не без труда работы на Радом-Гроецкой позиции, уже начался чувствоваться недостаток в подводах и землекопах, но, несмотря на это, нам удалось организовать работы, и они начались раньше, чем офицеры штаба окончили рекогносцировку местности. По возвращении в ставку доложили об этом, и я получил от Верховного Главнокомандующего депешу, в которой он меня благодарил за энергичную организацию работ.

Идея создания укрепленной позиции Радом-Гройцы принадлежала ген. Алексееву и всецело разделялась Верховным Главнокомандующим. В самом деле, ничего не оставалось, как создать сильное препятствие на фронте неприятеля, обеспечив таким образом переправы через Вислу и возможность маневрирования целых армий. Однако, нашлось высокопоставленное лицо, которое оказалось горячим противником этого плана. Это был Главнокомандующий Северо-Западн. Фронтом генерал Рузский.

Мне неизвестны причины его отрицательного отношения к нашим работам. Он стал настаивать на том, чтобы промежуток между Гройцами и Варшавой также был бы занят и укреплен, (*план № 4.*)

План № 4.



Так как это улучшало первоначальный план, я принял эту точку зрения. Тогда ген. Рузский стал доказывать, что вся эта позиция в целом бесполезна, и ее следует уничтожить. Однако, устройство ее потребовало большой работы и расходов, а работы по своей солидности и по хорошему применению к местности вызвали такое всеобщее одобрение и подали такие надежды, что срытие позиций, незадолго до их окончания, оказалось неприемлемым.

Отправившись в Штаб Верховного Главнокомандующего, я также заявил самый энергичный протест. Я добился назначения смешанной комиссии, состоящей из представителей штабов Юго-Западного и Северо-Западного фронтов, которые, осмотрев укрепления, установили как их неопровержимую пользу, так и их технические качества.

Я поручил военому инженеру полковнику Крестинскому изложить все эти обстоятельства в рапорте Нач. Штаба Верховного Главнокомандующего, который окончательно разрешил вопрос, приказав сохранить укрепления. Однако, через несколько месяцев, когда надо было защищать эти позиции, наши войска были так плохо снабжены боевыми припасами, что они задержались на них всего лишь несколько дней и, не оказав серьезного сопротивления, отошли на восток. Это решение нашего Верховного Главнокомандования, как тогда, так и теперь, я считаю очень большой ошибкой. По моему, на этих позициях следовало бы подольше удержаться и выигранное, таким образом, время использовать на лучшую подготовку наших тыловых позиций, представляемых линией Вепрж-Ивангород-правый укрепленный берег Вислы-Варшава-Новогеоргиевск-Нарев. Немцы, сильно утомленные, наверно побоялись бы форсировать глубокою осенью такие значительные реки, как Висла, Вепрж и Нарев. Может быть, тогда нам не пришлось бы так далеко отходить на восток, и вторая половина кампании сложилась бы иначе.

Но это только мое собственное мнение.

ГЛАВА IV.

Новое формирование сапер и артиллеристов. Морской полк. Опыты ген. Мазурова. Мои сношения со штабом Верховного Главнокомандующего. Отказ в перестройке Ивангорода. Позиция, выдвинутая впереди Ивангорода, трактуется как полевая позиция. Проект новых работ. Новый 1915 год.

Однако, работы в Ивангороде остановлены не были. Кроме земляных работ, произведены новые формирования крепостных сапер и специального морского полка.

Батальон крепостных сапер и 32 запасная полурота образовали кадр саперного полка, на сформирование же морского полка пошел морской батальон.

С первых же боев была установлена громадная польза, которую оказывают при отражении атак 47 м/м. скорострельные морские пушки, которые мной были переставлены с постоянных лафетов на колеса.

Их размеры, вес и подвижность позволяли им всюду идти за пехотой и поддерживать ее весьма серьезно. Когда, после октябрьских атак, гвардейские полки уходили из крепости, их начальство попросило меня дать им по крайней мере по 2 пушки на полк. Я дал распоряжение выдать и поручил ген. Мазурову раздобыть их из Севастополя и Петрограда и поставить на колеса. Ген. Мазуров достал их около сотни. Тогда его

батальон оказался для обслуживания их недостаточным, и было решено развернуть его в полк 4-х батальонного состава, на укомплектование которого были назначены, главным образом, запасные артиллеристы. В то же время ген. Мазуров расширил и значительно улучшил старые крепостные артиллерийские мастерские, обратив их в настоящий завод с слесарной, кузницей и деревообделочной. Начальником мастерских был инженер-механник Семенов.

Каждый батальон состоял из 4-х рот, из которых 3 артиллерийские, имеющие каждая по 8—47 м/м. пушек для отражения атак и 1 рота минер.

Через некоторое время после сформирования этих батальонов штаб фронта решил взять их из крепости и придать к каждой армии по одной роте. К лету у меня осталось только по 2 роты артиллеристов и минер.

В это же время ген. Мазуров занялся опытами над новым способом разрушения проволочных заграждений. Для этой цели он предложил использовать старые бронзовые мортиры, стреляющие снарядом в 8 килогр. (20 фунт.).

Эти маленькие мортиры с уменьшенным зарядом располагались в траншеях и затыкались деревянной пробкой, пригнанной по калибру и снабженной металлическим тросом с маленьким якорем; другой конец троса закреплялся в траншеях

Выстрел делался с таким расчетом, чтобы якорь падал среди неприятельских препятствий, и когда начинали тянуть за другой конец каната, то якорь цеплялся за препятствие, которое, таким образом, разрушалось.

Ген. Мазуров ввел с этой же целью в употребление ракеты с якорями.

В сентябре в одном из капониров цитадели производились секретные работы над очень серьезным изобретением. По моим указаниям минным инженером Лисяковым была сконструирована машина для отрывки с большой скоростью минных галлерей. Я рассчитывал воспользоваться этой машиной при осаде Кракова. Этого не случилось, но модель была передана в 1917 г. в музей моего родного города Екатеринослава под именем «Сверлильная машина ген. Шварца».

Этому же инженеру Лисякову принадлежит первая мысль о танках, чертежи которых им были исполнены осенью 1914 г. в Ивангороде. Его идеи не были реализированы за недостатком средств в крепости.

В то же время прапорщ. Татаринов разрабатывал электрический бомбомет, выбрасывающий до 30 бомб в минуту на дистанцию до 100 шагов. Он продолжал работы по своему старому изобретению—геликоптеру—но не имел времени их закончить.

К концу декабря я был срочно вызван в Ставку телеграммой ген. Янушкевича. Я отправился в тот же день и на другой день, приехав в Барановичи, где в это время была Ставка, был тотчас же принят Начальником штаба Янушкевичем, которого я знал раньше. Прием был самый простой. В его вагоне уже находился инспектор артиллерии Северо-Западного фронта и помощник французского военного агента капитан Ланглуа.

Повидимому, я был вызван, чтобы присутствовать при докладе французского офицера Начальнику Штаба о способах, употребляемых во Франции для разрушения проволочных заграждений. Но это заседание показало, что в нашей крепости по этому вопросу мы не отстали от Франции. Верховным Главнокомандующим я был принят 2 раза: в 6 час. 30 мин. и после обеда в 8 час. Во время последнего разговора он меня ознакомил с планом продолжения позиций Радом-Гройцы влево до Анополя, (*план № 4*). Это совершенно уничтожало маневренные свойства позиции, но было очевидно, что Верх. Глав. совершенно не рассчитывает ни на скорое пополнение запасов снаряжения, ни на маневренную способность наших армий,

После представления Верховному Главнокомандующему, я пошел повидаться с ген.-квартирм. Даниловым, перед которым я поднял вопрос о переделке Ивангорода в постоянную обширную укрепленную позицию. Ген. Данилов отнесся к вопросу отрицательно, что и было мне сообщено через несколько дней в Ивангород официальной бумагой. В это же время Штаб Главнокомандующего юго-западным фронтом мне сообщил свое решение отнюдь не считать позицию Янов*)—Полично—Козеницы (*план № 2*), которую я укреплял, составной частью укрепленной крепостной позиции, но лишь полевой позицией, которая, когда понадобится, будет защищаться не собственным постоянным гарнизоном, а войсками, отступающими с фронта.

Я отнюдь не разделял такой точки зрения, зная, как мало будет стоить защита такой позиции проходящими войсками, при отступлении, в значительной части деморализованными и совершенно незнакомыми как с позицией в целом, так с деталями ее укреплений.

Обязанный повиноваться этому решению, я не терял из виду тех возможных печальных последствий, которые могла бы иметь для Ивангорода неудачная защита этой позиции. Поэтому следовало принять меры к тому, чтобы внезапная потеря ее не повела за собой падения Ивангорода.

---

*) На левом берегу Вислы, несколько к югу от Н.-Александрии. *Редакция.*

Не могло и быть речи об организации обороны на наших прошлогодних позициях, ибо высокий уровень грунтовых вод не позволял возвести солидных убежищ, и позиция сама по себе плохо могла противустоять возможному возобновлению наступления.

Я решил создать новую оборонительную линию между полевой позицией и временной позицией прошлого года. Эта линия оказалась на немецкой блокадной линии прошлого года на левом берегу Вислы.

В ней было 3 группы: первая начиналась впереди дер. Гневошов и включала в себя лес того же имени, вторая— Банковецкий лес и третья дер. Мозолицы. В интервале между двумя первыми группами были укрепления, несколько поданные назад.

В предвидении удара, направленного в промежуток Варшава—Ивангород или удара южнее крепости, я счел необходимым тотчас же начать новые работы на правом берегу Вислы, которые вместе с работами левого берега образовали бы непрерывное кольцо вокруг крепости. Когда этот проект в конце декабря был представлен Главнокомандующему юго-западным фронтом, то он не встретил возражения.

Время за работой проходило быстро, и наступал новый 1915 год.

ГЛАВА VI.

Перемена в Штабе крепости. Новый Начальник Штаба подполковн. Прокопович. Назначение ген. Алексеева Главноком. северо-западного фронта. Новый Начальник Штаба северо-западного фронта ген. Драгомиров. Его отказ утвердить проект новой укрепленной линии Ивангорода. Я настаиваю на принятии моего проекта. Решение Главнокомандующего. Эпизод, касающийся отступной позиции для армии Радко-Дмитриева.

Январь и февраль у меня прошли в раз'ездах. Мне приходилось часто ездить осматривать работы на Радом-Гроецкой позиции и несколько раз я ездил в Холм к Главнокомандующему. В начале марта мне пришлось сделать серьезную перемену в составе моего штаба.

Но чтобы лучше осветить мотивы, которые вынудили меня это сделать, я должен в нескольких словах описать отношения, установившиеся между моими сотрудниками, наиболее близкими, и указать на некоторые характерные свойства некоторых из них.

Каждый раз, когда я вспоминаю Ивангород, его гарнизон и моих главных сотрудников, я испытываю чувство глубокого удовлетворения.

Со времени моего назначения комендантом крепости, между мною, гарнизоном и моими сотрудниками установились самые простые дружественные и благожелательные отношения. Я не берусь об'яснить их происхождение. Я никогда не устраивал торжественных собраний, не искал ни популярности, не прибегал к суровым мерам; наоборот, ни один проступок не оставался без взыскания. Однако, установился такой порядок, который давал мне всегда уверенность, что каждое из моих распоряжений будет исполнено немедленно. Никто не думал об неисполнении или переиначивании их. Это имело громадное значение, играло большую роль для счастливой обороны Ивангорода.

Между офицерами гарнизона установились самые дружеские отношения, особенно между крепостными артиллеристами, инженерами и саперами. Все работали почти без отдыха, и у всех не хватало времени на отдых, необходимый для удовлетворения своих дел и для удовольствий. Не было случаев пьянства, ссор и недоразумений.

Наконец, между моими ближайшими сотрудниками—начальником инженеров, начальником артиллерии, начальником штаба, интендантом, командиром морских стрелков—установились отношения чуждые интриг, жалоб и недоразумений. Каждый выполнял свою задачу и отдавал себе отчет в важности общей задачи.

Гарнизон Ивангорода с этой стороны представляет собой пример прекрасной военной силы, сплоченной и братской. Я ясно видел это настроение и старался его поддерживать всеми силами. Таково было положение до марта 1915 г., когда произошел эпизод, сам по себе незначительный, но грозивший расстроить все эти хорошие отношения.

Начальником инженеров крепости был ген.-майор Попов. Почти всю свою службу он провел в Главном Инженерном Управлении в Петербурге, что отдалило его от практической работы. Горячая и живая работа, которую я требовал от всех, ему казалась несколько тяжелой, но он хорошо знал свое дело и был к нему привязан.

С другой стороны, он обладал преобладающим качеством самого аккуратнейшего отношения к казенным суммам, находившимся в его распоряжении. Вот почему я держался за ген. Попова.

Начальником штаба крепости был подполковник Дорофеев. Он был сравнительно молод и был командирован в Ивангород одновременно с моим вступлением в должность коменданта. Он был недостаточно опытен, но любил свое дело и был хороший работник. К несчастью, его чин и должность начальника штаба крепости вскружили ему немного голову и испортили его, как и многих прекрасных русских офицеров; к тому же у

него был горячий характер, и его отношение к подчиненным, особенно к солдатам, было иногда слишком резко.

Я вынужден был его сдерживать. Попов и Дорофеев не чувствовали взаимной симпатии, но не показывали этого.

Однажды я командировал Дорофеева в Холм с рапортом к ген. Алексееву.

По возвращении из Холма он мне доложил о результатах поездки, и на мой вопрос, не было ли еще о чем либо разговора, ответил отрицательно.

Через несколько дней мне пришлось самому поехать к ген. Алексееву, который заговорил со мной о ген. Попове в таких выражениях, которые привели меня к заключению, что они могли быть лишь результатом оценки его, сделанной Дорофеевым без моего ведома и без моего разрешения.

Поняв, в чем дело, я спросил ген. Алексеева, не говорил ли этого Дорофеев о ген. Попове. Ген. Алексеев это подтвердил, и я должен был ему тотчас же сказать, что считаю совершенно недопустимым, чтобы мои подчиненные, имевшие к нему вполне определенное поручение, пользовались бы случаем обратиться к нему в ущерб своим товарищам и притом исключительно по своему усмотрению. Я обратил внимание генерала на тот серьезный вред, который не преминет быть результатом подобного морального разложения между сотрудниками, и доложил ему о моей обязанности сразу же покончить с подобными печальными поступками, прося немедленного смещения Дорофеева и назначения другого начальника штаба. Ген. Алексеев, казалось, не ожидал такого моего выступления. После минутного размышления он сказал: «Да, вы правы; я вам назначу другого начальника штаба».

Через 2 недели Дорофееву была предложена должность начальника штаба дивизии, и так как это было продвижение по службе, он ее принял. Через 8 дней я получил нового начальника штаба, подполковника Прохоровича, горячо рекомендованного Главной квартирой, как одного из лучших офицеров генерального штаба. Я не останавливался бы так долго на этом воспоминании, если бы оно не было связано с другим. Много позже мне пришлось о нем говорить с одним из наших офицеров генерального штаба, который в ответ мне сказал, что он не считает Дорофеева виноватым и признает за ним право разговаривать с ген. Алексеевым и даже ему докладывать без моего предварительного одобрения на том основании, что они оба, генерал Алексеев и подполковник Дорофеев, несут службу генерального штаба, и что такой обычай установлен в нашей армии. Я не знал такого обычая, и если действительно он существовал и имел силу закона в нашей армии, то я могу об этом только сожалеть.

Как раз в марте произошли важные перемены в Штабе фронта. Начальник Штаба ген. Алексеев оставил эту должность и был назначен Главнокомандующим северо-западного фронта. Ген.-лейт. Драгомиров заместил его в должности начальника штаба юго-западного фронта. Новый Начальник Штаба не обладал ни знаниями, ни другими качествами своего предшественника, и, с другой стороны, его вздорный и беспокойный характер, равно как и его чванливость, совершенно не подходили к его обязанностям. Через несколько дней после его назначения я получил бумагу от Штаба фронта, запрещавшую мне постройку новых укреплений вокруг Ивангорода на левом берегу и предписывающую мне организовать оборону на прежних позициях; что касается работ правого берега, то бумага их трактовала не только бесполезными, но и вредными. Это решение нового Начальника Штаба поставило меня в чрезвычайно тяжелое положение.

В самом деле, я не имел права закрывать глаза на те недостатки старой укрепленной линии, которые обнаружились во время предшествующих операций. Я ясно отдавал себе отчет в том, что если нам и удалось два раза перейти в наступление, то этому успеху мы были обязаны совершенно особым обстоятельствам, которые нам благоприятствовали, и что все таки, несмотря на это, мы понесли значительные потери.

Основное свойство укрепленной позиции—это давать возможность легко перейти в наступление, иначе она в известной степени теряет в своей сопротивляемости.

В прошлом году я мог использовать это преимущество лишь на линии Регов—Олексово—Кляшторна Воля—Сецехов в виду специально данной мне Штабом задачи, состоявшей в защите Ивангородских мостов, а также в виду того, что всякая другая позиция, обладающая лучшими качествами, была бы более удалена от центра, более растянута и требовала бы больше времени и технических средств для ее реализации. В то время средств почти не было, и я располагал всего лишь несколькими неделями.

В настоящее время положение мне рисовалось под другим углом зрения. Я имел перед собой солидный фронт армий, от которых я был отделен 2 рядами укрепленных позиций. Я располагал значительным временем и значительными техническими средствами для устройства серьезно укрепленной позиции. Наконец, если бы снова началось отступление, то оно могло быть при условии, что наши войска, находящиеся впереди Ивангорода, были бы отброшены за Вислу, что вызвало бы появление немцев на правом берегу, если бы не удалось им помешать в этом даже при отступлении. В последнем

случае мы должны были развить наступательные действия со стороны Ивангорода. Таковы были, по моему, основные задачи, которые ныне ставились Ивангороду, от которого по этим причинам я требовал главных свойств крепости, а именно: легкости перехода в наступление и обороноспособности, основанной на замкнутом кольцевом ее обводе. Я преподал эти основные требования главному руководителю работ ген.-майору Попову, дополнив их следующими второстепенными распоряжениями:

1. Мосты должны быть вполне гарантированы против обстрела современной германской артиллерии.

2. Гарнизон должен иметь убежища, сопротивляющиеся неприятельским снарядам, включительно до 305 мм.

На обоих берегах должны быть сильно развиты пути сообщения, как концентрические, так и радиальные, в виде железных дорог и в виде обыкновенных.

Таков был проект, представленный мною на утверждение Штаба фронта и отвергнутый там. Получив отказ, я отправился в Штаб фронта. Я представился ген. Драгомирову и имел с ним разговор по этому поводу. Оказалось, ген. Драгомиров считал, что удаление оборонительной линии поведет за собой ее удлинение и вызовет ослабление ее обороны в виду незначительных сил гарнизона. Я защищал свою точку зрения, и мы не пришли к соглашению. Я просил его доложить наше разногласие Главнокомандующему. Мы отправились вместе в кабинет ген. Иванова, которому изложили наши точки зрения, сначала я, затем ген. Драгомиров. После некоторого колебания, ген. Иванов встал окончательно на мою точку зрения и утвердил проект в том виде, как он был представлен.

После того, как этот вопрос был решен, ген. Иванов предложил мне принять на себя организацию отступной позиции для армии ген. Радко-Дмитриева на реке Вислоке. Из разговора я понял, что ген. Иванов обеспокоен отсутствием такой позиции и озабочен быстрой ее организацией. Я охотно согласился, расчитывая поставить на нее часть инженеров и рабочих рук, бывших до сего времени на работах Радом-Гроецкой позиции, приходящих к концу. Когда вопрос был решен, ген. Драгомиров сказал: «Зачем туда посылать еще инженеров, когда там и без того их достаточно». Ген. Иванов казался слегка сконфуженным и, не продолжая разговора, простился со мной.

Я отправился в Ивангород, и работы на Вислоке были отменены; скоро произошло наступление Макензена против Радко-Дмитриева и отступление последнего,—отступление, которое было началом всех наших неудач в 1915 году.

Ген. Драгомиров недолго оставался на должности начальника штаба и был заменен ген. Саввичем.

ГЛАВА VII.

Гидротехнические работы в Ивангороде. Ивангород отнесен к Западному фронту. Моя поездка в Седлец к ген. Алексееву. Перемены в характере ген. Алексеева. Решение не считать Ивангород крепостью. Посещение оборонительных работ ген. Палицыным.

Как только сошел снег, при наступлении первых же весенних дней, Ивангород принял снова вид муравейника. Инженеры работали сразу над устройством 3-х позиций: Радом-Гроецкой, от Варшавы до Радома, продолженной по приказанию Верховного Главнокомандующего до Илжи и Анноноля *(план № 4)*; сзади нее полевой позиции от Янова до Полично, Горбатка и Козеницы *(план № 2)* и наконец, главной оборонительной линии Ивангорода, образующей обвод радиуса от 12 до 14 километров на левом берегу и в 10—12 килом. на правом *(планы № 1 и 3)*.

Главная разница между этой последней линией и первыми заключалась в том, что на ней были бетонные убежища с толщиной стен в 1,5 метра и со сводами толщиной 2,3 метра. Расположенные тотчас же за линией стрелков, примененные к складкам местности, они были так хорошо маскированы, что наши разведчики, получавшие специальные задачи их обнаружить, не могли этого сделать. Дабы усилить всеми способами эту оборонительную линию и приспособить ее к продолжительной обороне, я предпринял, кроме создания других препятствий атаке, также и гидротехнические работы. С этой целью с ноября 1914 года были назначены 2 инженера из Министерства Земледелия, Новацци и Персиянов.

Вот каков был проект, разработанный ими по моим указаниям:

1. На левом берегу:

а) Между Вислой и Гневошовым широкий и глубокий канал и наводнение.

б) У деревни Сарнов наводнение.

в) У Банковец плотина, поднимающая воду выше берегов, и канал.

2. На правом берегу: частичные наводнения у Красноглины, Мощанки и дер. Вымыслов.

Вскоре после назначения ген. Алексеева на пост Главнокомандующего Западным фронтом, я получил от него из Седлеца депешу, уведомляющую о причислении Ивангорода к его фронту, о моем подчинении непосредственно ему и приглашение приехать в Седлец.

Я очень обрадовался этой новости, зная, что внимание ген. Алексеева к нуждам Ивангорода будет проникнуты дру-

гим отношением и другим расположением, чем у его приемников по Юго-Западному фронту ген. Драгомирова и Саввича.

Уже много вопросов накопилось для разрешения их Главнокомандующим; поэтому я решил не откладывать моей поездки в Седлец. Желая представить Главнокомандующему моего нового Начальника Штаба, я пригласил полковника Прохоровича с собой.

Расстояние в 80 километров по шоссе Радом-Луков было сделано на автомобиле в $1^1/_2$-2 часа: выехав утром из Ивангорода, мы были в полдень в Седлеце. В штабе нам сказали, что ген. Алексеев собирается завтракакть вместе с чинами штаба. Не желая его беспокоить, мы решили осмотреть Седлец; через полчаса в столовой мы узнали, что завтрак кончен и генерал только что ушел гулять вместе с ген-квартирмейстером Пустовойтенко. Мы пошли их искать, но не нашли, и лишь в 3 часа я был принят Главнокомандующим в его комнате. С обычной простотой и приветливостью он распрашивал о моих проектах и питаемых надеждах. Он обещал свою полную поддержку. Ген. Алексеев был так же прост, внимателен и предупредителен, но я заметил из под его очков новое выражение озабоченности и беспокойства. Через 2 недели после моего посещения Седлец, в одном из приказов армиям фронта присланном из Седлеца, я обратил внимание на то, что Ивангород был там назван не крепостью, а укреплениями.

Считая это ошибкою штабного офицера, я не придал этому значения.. Через несколько дней мне прошлось быть снова в штабе фронта. Генерал Алексеев имел вид смущенный и усталый. Казалось, что он хочет что-то сказать и в тоже время колеблется. Я отметил, что на этот раз ему не достает той твердости и решительности, которые обыкновенно его так хорошо характеризовали. Наконец, он мне сказал, что необходимо быть готовым ко всякой неожиданности, что он не знает какой оборот примут дела на фронте и в заключение, что я должен готовиться, если обстоятельства заставят, к эвакуации крепости. Много позднее я узнал, что с этого времени положение наших армий в отношении снабжения боевыми припасами было очень критическое, и ген. Алексеев отдавал себе отчет в том, что нельзя в ближайшее время расчитывать на улучшение положения.*)

Не зная ничего этого, я не допускал мысли об эвакуации Ивангорода и напряг все силы для увеличения его сопротивляемости. Можно себе вообразить, как меня поразили слова ген. Алексеева.

---

*) Кажется странным, что А. В. Шварц сравнительно поздно узнал о положении снабжения боевыми припасами. Ред.

Я стал ему горячо доказывать, что каковы бы ни были события на фронте, даже преполагая самое худшее, т. е. наш отход за Вислу, владение нами Ивангородом какой бы то ни было ценой необходимо, дабы этим мы могли угрожать неприятелю перейти обратно через Вислу.

Увидев какое подавляющее впечатление произвели на меня его слова, ген. Алексеев более не настаивал. Наоборот, он согласился со мной, когда я обратил его внимание на то, что с ноября прошлого года Ивангород не имел пехотного гарнизона и следует теперь же его дать, хотя бы часть, чтобы я имел время его подготовить. В самом деле, вскоре прибыла 23 запасная бригада и 4 баталиона 84 бригады. Увы, эти войска были плохо вооружены, не имели совершенно патронов и более походили на рабочих, чем на солдат. Я возвратился в крепость в подавленном состоянии и решил никому не сообщать слов генерала Алексеева и готовиться не к эвакуации, но к защите крепости. Однако, в одном из майских приказов снова появилось выражение «Ивангородские укрепления» и стало ясно, что это выражение не случайное, но сознательное.

Предвидя то плачевное моральное действие, которое не приминет произвести на основные войска гарнизона это уничтожение крепости, т. е. на артиллерию и особенно на офицеров, я приказал Начальнику Штаба отправить в Штаб фронта рапорт с просьбой раз'яснить о причинах, по которым название «укрепления» было неоднократно применено в отношении к «крепости». В этом рапорте я обратил внимание Штаба на огромную важность, которую имеет для обороны данного пункта название «крепость», а также и на правила, касающиеся крепостей и их обороны; я говорил, что низложение Ивангорода равносильно разрешению менее упорного сопротивления и это не приминет произвести пагубное действие на войска обороны; что я прошу в виду этих обстоятельств не пользоваться новым термином и раз'яснить мне причины, приведшие к его введению. Вместо ответа я получил новое приглашение в Седлец. На этот раз ген. Алексеев откровенно заявил мне, что он не предполагает защищать Ивангород и необходимо, чтобы я тотчас же представил проект эвакуации крепости и ее материалов и поспешил бы это исполнить. Подобное решение, принятое в то время, когда наши армии хорошо держались на фронте, меня изумило и показалось столь же ошибочным, как и полным непоправимых последствий. Я старался убедить ген. Алексеева изменить свое решение, поддержать меня энергично в виду скорого окончания новых оборонительных работ и снабдить крепость более серьезным гарнизоном. Я доказывал, что если запроектированные работы будут благополучно окончены и гарнизон хорошо подготовлен, Ивангород сможет со-

противляться немцам в течение нескольких месяцев. Напомнив ему наши прошлогодние успехи я упрашивал главнокомандующего дать свое согласие на оборону крепости. Казалось, что ген. Алексеев сдался на мои доводы, разрешил мне продолжать оборонительные работы, обещав прислать одну или две бригады пехоты, и разрешил делать приготовления к эвакуации лишь в крайнем случае. Все эти слова удовлетворили меня лишь на половину, и в беспокойстве я отправился в его Штаб, где из разговора с полк. Даллером, начальником оперативного отделения, узнал, что предвидя победоносное движение немцев на Варшаву и Ивангород, Штаб решил заранее об'явить, что Варшава и Ивангород не крепости, а лишь участки оборонительной позиции, которые можно без особого позора эвакуировать, в случае нужды, в любой момент, ибо эвакуация подобных позиций предусматривалась регламентом.

Даллер мне сообщил, что это окончательно решено и уже послано на утверждение Верховного Главнокомандующего. Я был так этим раздражен, что сравнил ему это решение с тем, как страус прячет голову под крылом от страха. Мне сдается, что Даллер был автором этого проекта—шедевра бессмыслицы.

Я расстался с ним и пошел искать ген.-квартирмейстера Пустовойтенко, расчитывая его убедить. Он разделил мою точку зрения, как о невозможности остановить работы, так и о необходимости, наоборот, их развить, вследствие невозможности для нас предвидеть за несколько месяцев вперед оборот, который примут события. Он посоветовал мне спешить с работами и не обращать слишком много внимания на решения Штаба. В то же время он меня спросил о возможной продолжительности сопротивления, которое может оказать Ивангород.

Считая этот вопрос чрезвычайно важным и имея в виду, что мой ответ может иметь решительное влияние на судьбу Ивангорода, я просил его разрешения ответить на это письменно. Вечером, по возвращении в Ивангород, после обстоятельного размышления, я написал ген. Пуствойтенко письмо, черновик которого случайно спасся от революционной бури и находится в бумагах моей жены. Поэтому я воспроизведу его дословно: «Ваше Превосходительство!

Вчера Вы мне задали вопрос, на который я Вам сразу не ответил: «Сколько времени может держаться Ивангород?»

В настоящее время, после размышления, я не могу Вам совершенно откровенно дать вполне точного ответа.

Я сомневаюсь, может ли ответить на это комендант какой либо крепости. Наверное комендант могущественного Антверпена рассчитывал на сопротивление, по крайней мере, в течение года и пал в течение 12 дней, в то время как слабый Севас-

тополь и не менее слабый Порт-Артур превзошли в своем сопротивлении всеобщие расчеты.

Что касается Ивангорода, я должен изложить следующие мои соображения:

1. С помощью Штаба Главнокомандующего можно в течение месяца обратить Ивангород в очень сильную крепость.

2. Так как противник не может подойти к крепости ранее месяца, мы располагаем достаточным запасом времени, и не преувеличивая значения событий и сохраняя хладнокровие, мы можем выполнить все необходимое. Поэтому необходимо, чтобы все мои просьбы, изложенные в рапорте на имя Главнокомандующего, получили бы скорое и удовлетворительное разрешение.

3. В таком случае, я уверен, что крепость представит весьма серьезное сопротивление. Она привяжет, по крайней мере, от 3 до 5 корпусов неприятеля и значительное количество тяжелой артиллерии. Я надеюсь, что мы сможем сопротивляться самое меньшее от 2 до 3 месяцев в случае полного обложения и не менее 6 месяцев в случае частичной осады. Я могу к этому добавить и засвидетельствовать, что капитулировать она не будет.

Я думаю, что если мы продержимся 2 или 3 месяца, общие операции из этого извлекут большую пользу, и именно эта мысль диктовала мой рапорт Главнокомандующему и письмо Вам.

Я настаиваю на необходимости защищать крепость не только по той причине, что мне будет тягостно жить от стыда из-за ее эвакуации, но во имя мотивов, изложенных в этом письме. Поддержите меня и дайте мне средства исполнить мой долг с честью».

Послав это письмо и отдавая себе отчет в той ответственности, которую я принял на себя, я лихорадочно торопил работы, особенно на левом берегу и поддерживал настроение инженерных офицеров, не давая никому намека на возможную бесполезность наших усилий. В то же время, я надеялся, что мое письмо произведет желательное действие, и оборона Ивангорода будет разрешена.

Но не прошло и недели, как я получил новый вызов в Седлец. На этот раз я был спрошен, какие я должен принять меры для эвакуации Ивангорода.

Я ответил, что занятый развитием работ, я еще не разработал проекта эвакуации. Во время разговора с генералом Алексеевым мне пришла мысль, что он, может быть, сомневается в правдивости моих рапортов об обороноспособности Ивангорода, что, в конце концов, я могу сам заблуждаться и преувеличивать работы, создателем которых был сам.

Я сообщил это опасение ген. Алексееву и просил назначить какое либо компетентное лицо поручив ему осмотреть фортификационные сооружения Ивангорода и дать отчет об их оборонительной ценности.

Генерал Алексеев разделил мое мнение; это было если не ошибаюсь 6 или 7 июня, а 12-го я был извещен о прибытии утром 14-го генерала Палицина, прежнего Начальника Генерального Штаба, назначенного детально осмотреть крепость. В самом деле, он прибыл рано утром, тотчас же отправился на фронт и в течение 2-х дней осматривал работы со своим обычным вниманием и добросовестностью. Я его сопровождал, давал все необходимые раз'яснения и ознакомил с планом предстоящей обороны. Солнце уже садилось, когда мы окончили 14-го осмотр работ на правом берегу у дер. Вымыслов. Тогда, отойдя в сторону от сопровождавших нас инженерных офицеров, ген. Палицин мне сказал: «По приказанию Верховного Главнокомандующего я осмотрел все наши крепости и должен вам засвидетельствовать, что ни одна из них так не подготовлена к обороне, как Ивангород. Я вижу, что вы предвидели все, что только можно предвидеть. Я все это доложу Главнокомандующему, но ваша участь предрешена заранее. Во время моего от'езда из Штаба мне было поручено передать вам об исключении Ивангорода из числа крепостей. Я отказался, т. к. не разделяю этого решения, но оно будет вам сегодня же сообщено специальным нарочным. Я вам советую его спрятать и не сообщать никому».

В самом деле, вернувшись с нашего осмотра в цитадель, мы нашли курьера из Штаба, ожидавшего меня. Это было письменное распоряжение считать отныне Ивангород участком укрепленной позиции и принять все необходимые меры для эвакуации из крепости всей излишней артиллерии и соответствующего снабжения.

Прекрасно понимая, что неудачное выражение «излишний оборонительный материал» может относиться лишь к материалу испорченному и негодному для стрельбы, я все же в корне не одобрил самого смысла этого приказа. Я не мог понять, как такой ценный начальник как Алексеев, наиболее образованный и наиболее достойный из наших генералов этой войны, мог присоединиться и принять идею исключения крепости в момент приближения неприятеля.

Я нашел только одно об'яснение: он не отдавал себе отчета в том, какое огромное моральное значение слово «крепость» имеет для каждого чина гарнизона от коменданта до последнего солдата. Этот термин означает необходимость упорного сопротивления и абсолютную невозможность сдачи.

Опыт прошлого года показал с наглядностью всем солдатам, что укрепленные позиции оставлялись без серьезного сопротивления в то время, как крепости Осовец и Ивангород держались хорошо и отбрасывали неприятеля.

Я не знаю, каково было настроение в Осовце, но у меня в Ивангороде удалось создать такое,—что буквально никто в гарнизоне не мог себе ни на минуту представить мысль о возможности оставить крепость, уже защищавшуюся так успешно.

Также для меня было ясно, что пока имеется такое настроение, то сопротивление возможно с успехом, равным прошлогоднему. И то же время я отдавал себе отчет, что достаточно сообщить войскам приказ, чтобы тотчас же настроение упало, поднять же его будет очень трудно, а может быть и не удастся в первый момент. С другой стороны, я считал совершенно невозможным оставить работы и начать эвакуацию материалов, собранных с таким трудом, в момент, когда неприятель еще далеко от крепости, и когда нам неизвестно, какой оборот могут в будущем принять обстоятельства. Все могло случиться, а наша сила с каждым днем росла. В течение месяца, которым, по моему, мы располагали, могли произойти события, способные остановить успех немцев. Имел ли я право остановить работы и эвакуацией вооружения и материалов ослабить и даже уничтожить оборонительные свойства Ивангорода?

Наконец, немцы, может быть, не представляли себе, что мы сможем с малыми силами их остановить перед крепостью, и эта остановка уменьшит их успехи в других местах. Даже прежде я был уверен, что Ивангород сможет задержать их, по крайней мере, на 6 месяцев; но это было лишь личное предположение. Мое мнение укрепилось еще больше после того, когда такой осторожный и внимательный человек, как генерал Палицин, с ним согласился.

По этим причинам я решил:

1. Исполнить приказ ген. Алексеева—которому я не мог не повиноваться—лишь в последний момент, когда он его подтвердит в связи с фактическим течением событий.

2. Бумагу ген. Алексеева сообщить только Начальнику Штаба, скрыв ее от остального гарнизона.

3. Не делать никаких приготовлений к эвакуации.

4. Удвоить деятельность по продолжению работ и приведению крепости в порядок.

В тоже время я решил использовать первый же случай, чтобы убедить генерала Алексеева изменить свое решение. Этот случай мне представился раньше, чем я думал, т. к. в ту же ночь я получил депешу, вызывающую меня в Седлец.

Я сообщил ген. Алексееву мнение ген. Палицина, на что он мне ответил, что посланный мне приказ мотивировался

неизбежной эвакуацией Польши, решенной из-за недостатка боевого снаряжении и невозможности получить его во время; он прибавил, что прибегнет к этой мере лишь в случае последней крайности, и разрешил мне продолжать оборонительные работы. В то же время он мне сообщил, что я был вызван для обсуждения вопроса об оборонительных работах, которые надо произвести в тылу нашего фронта.

Ген. Алексеев проектировал начать без промедления укрепление позиций по линии Осовец—Белосток—Седлец—Луков—Влодава—и далее на восток: Гродно—Брест-Литовск. Повидимому он твердо решил не отступать дальше этой линии, т. к., говоря о них, сказал: «На них мы умрем».

ГЛАВА VIII.

Возобновление военных действий под Ивангородом. Оставление и разрушение Радом-Гроецкой позиции. Оставление позиции впереди Ивангорода войсками генерала Мрозовского и Клембовского.

Окончив свое сосредоточение к концу июня, немцы перешли в наступление на нашем Западном фронте против армий, защищавших этот фронт и защищавших подступы к Ивангороду и Варшаве. Под этим давлением наша IV армия стала отходить на Ивангород, но между крепостью и позициями, занимавшимися этой армией, было еще 2 рубежа, на которых можно было долго держаться, это была оборонительная линия Радом—Илжа—Аннополь и позиции впереди Ивангорода, шедшие от Янова через Зволен—Полично—Козеницы. С началом отступления IV-ой армии Главная квартира Командующего ею генерала Эверта была перенесена из Конска в Радом и потом в Радин на правый берег Вислы.

Так как, по мере отступления, IV армия должна была очутиться в районе Ивангорода и действовать согласованно с его гарнизоном, я получил от Главнокомандующего бумагу о причислении Ивангорода к IV армии и о подчинении моем, как коменданта, ген. Эверту, Командующему IV армий. В той же бумаге было сказано, что все пехотные формирования, назначенные для укомплектования Ивангородского гарнизона, будут распределены Командующим армией. Ознакомившись с этим предписанием, я решил на следующий же день отправиться к ген. Эверту, чтобы ознакомить его с состоянием крепости и ее нуждами, но не успел еще этого сделать, как ко мне приехал ген. Гришинский, назначенный ознакомиться с крепостью и передать мне предписание. В предписании ген. Эверт извещал о подчинении ему крепости и, основываясь на распоряжении Главнокомандующего, предписывал мне немедленно на-

чать приготовления к эвакуации крепости. «Вам не следует забывать», значилось в приказе, «что на Вашу личную ответственность упадет захват неприятелем трофеев в крепости.» Но убедившись уже давно в том, что боязнь ответственности парализует всякое действие, я просил генерала Гришинского доложить ген. Эверту, что я готовлюсь к сопротивлению, считаю преждевременным какое бы то ни было приготовление к эвакуации и просил бы поспешить усилить гарнизон, прислав пехотные войска.

Однако, события развертывались быстрее, чем я думал. Австро-германские войска, развивая давление против остатков нашей IV армии и против соседних частей Юго-Западного фронта, приблизились уже к Люблину с явным намерением взять Ивангород с тыла, но были задержаны нашими позициями Казимирж—Красностав. Войска IV армии заняли позицию Радом—Илжа—Аннополь; севернее была расположена II Армия, занимавшая позицию Радом—Гройцы, часть укреплений которой была срыта в предшествующем месяце по распоряжению ген. Рузского. Я был уверен, что такое положение продлится по крайней мере несколько недель, но спустя несколько дней я получил от генерала Эверта телеграмму, извещавшую об оставлении IV Армией своих позиций, причем часть армии отошла на позиции впереди Ивангорода, а другие на север от них. Подсчитав, что всего 50 километров отделяют позиции Радом—Илжа от позиций впереди Ивангорода, я понял, что войска IV Армии будут на них через 2-3 дня, и если эти передовые позиции будут также быстро брошены, то противник направится прямо на крепость, которая, несмотря на мои настойчивые просьбы, оставалась без гарнизона. По этим причинам, я ответил ген. Эверту депешей, прося его немедленно выслать гарнизон и предупреждая, что недостаток в пехоте может повести к неминуемой катастрофе.

Но ни в этот, ни на следующий день, я не получил ответа, отступление же корпусов Гренадерского и XVI—ген. Мрозовского и Клембовского, назначенных оборонять позиции впереди Ивангорода, обозначалось все более и более, и вечером на следующий день они уже были на подступах к ним. Лично я не беспокоился этим положением дела, т. к. подготовив эти позиции, считал их годными для стойкого сопротивления.

Я был уверен, что на этой позиции сопротивление может длиться почти бесконечно, но быстрое очищение позиции у Илжи, также хорошо укрепленной, заставило меня усумниться в том, что передовые позиции Ивангорода будут обороняться так долго, как это могло бы быть при других обстоятельствах. Во всяком случае я надеялся, что наши войска не бросят этой позиции раньше 2 или 3 недель.

Несмотря на это, я решил немедленно отправиться к ген. Эверту и настаивать на немедленной присылке гарнизона. В то же время я приказал немедленно устроить батареи для крепостной артиллерии, что не делалось раньше, дабы не обнаружить противнику их расположения; кроме того, приказал установить пулеметы и скорострельную артиллерию вдоль главной оборонительной линии левого берега. Наконец, я предписал немедленно перевести на левый берег 23 и 32 бригады, занятые работами на правом берегу; они тотчас же заняли: 23 участок от Вислы до Банковец и 32 вправо от Банковец до реки.

7 июля около 3 часов я отправился в автомобиле в Радин к ген. Эверту, Командующему IV Армией.

Начало моего знакомства с ген. Эвертом относится ко времени назначения меня комендантом Ивангорода в августе 1914., когда он нечаянно посетил крепость. Он был высокого роста, с энергичным почти суровым лицом, и носил черную бороду. В молодости он был ад'ютантом фельдмаршала Гурко, когда тот исполнял обязанности Варшавского генерал-губернатора. Ген. Эверт участвовал в Русско-Японской войне и потом занимал должность Команд. Войсками Иркутского округа и начальника Главного Штаба. Он имел вид очень энергичного человека, но на самом деле таковым не был. Я не могу сказать, чтобы он был нерешительным, но в продолжение всего его командования IV армией он обнаружил большую растерянность и ни разу не принял такого решения, которое при умелом проведении дало бы громкий успех, или нанесло бы удар при обратных обстоятельствах. Однажды он мне сказал: «Моя армия никогда не имела большого успеха, но никогда и не несла больших потерь.»

Лично я считаю такую излишнюю осторожность недостатком для военного начальника, т. к. во многих случаях, решительным ударом можно было нанести неприятелю неисчерпаемый вред, но он не предпринимал ничего, принимая все меры для отражения наступления противника, терял время, уступая неприятелю инициативу действий и окончательно упуская подходящий случай.

Другим недостатком его характера было пристрастие к офицерам генерального штаба. Принадлежа к этой корпорации, он отдавал офицерам генерального штаба явное предпочтение и часто совершенно несправедливое.

Однако, за всеми этими свойствами скрывалось доброе сердце.

Я прибыл в Радин к 4 часам; в Штабе меня ожидал крайне неприятный сюприз, нанесший мне жестокий удар. С первых же слов ген. Эверт мне сообщил, что ген. Мрозовский и

Клембовский, которые по моим подсчетам, должны были держаться несколько недель впереди Ивангорода, уже покинули эти позиции и отступают.

Как могло случиться, что почти без боя были брошены позиции, подготовка коих производилась несколько месяцев, которые против атак были снабжены наиболее могучими средствами обороны и подготовлялись для нескольких месяцев борьбы?

Даже отдавая себе отчет в недостатке боевых припасов у полевой артиллерии, занимавшей эти позиции, было немыслимо, что наприятель успел собрать достаточную артиллерию и боевые припасы, чтобы разрушить укрепления одной стрельбой и принудить занимающие их войска отступить, не прибегая к атакам. Я отдавал себе ясный отчет, что отступление произошло не только по причине недостатка боевых припасов.

На самом деле, настоящей причиной была та, которою я предвидел и боялся, о которой я говорил с ген. Ивановым при начале оборонительных работ. В то время я послал ген. Иванову рапорт, в котором настаивал, чтобы оборона этих позиций была бы поручена гарнизону Ивангорода, единственно имевшему время ознакомиться с ее тактическими свойствами. Я просил назначить меня начальником обороны, т. к. у меня был вполне разработанный по моим взглядам план обороны, согласованный и обдуманный во всех деталях. Я могу заверить, что эти позиции не имели лишних или бесполезных работ, что каждая постройка, окоп, каждая скорострельная пушка имели свое специальное назначение и качества, которые я учел и которые были мало понятны для начальника, только что назначенного.

Я расположил постройки этой позиции так, что потеря одной из них и даже целого участка не могла вызвать прорыва нашего фронта, т. к. расположение других оборонительных линий давало возможность восстановить положение и позволяло немедленно выгнать неприятеля из занятой части укреплений.

Здесь фортификации была отведена не подчиненная, не поддерживающия роль, здесь она представляла средство также же действительное, как ружье или пушка. Но поэтому, надо было использвать все, что было учтено при постройке позиции, следовало, чтобы начальник обороны не ограничился бы поверхностным ознакомлением с оборонительными постройками, и выяснением вопроса, что имеется ли достаточно блиндажей, имеются ли бойницы и проволочные препятствия в достаточном количестве, нет—он должен был уяснить себе в совершенстве самый план, в расчете на который эти постройки были возведены. К несчастью ген. Иванов меня не понял и мое

предложение было отклонено. В настоящее время результаты сказались: позиции были заняты войсками, которые совершенно не приняли во внимание их особенностей и к тому же только что перенесли несколько поражений.

Их начальники также не знали особенностей укрепленных позиций и поэтому не могли ни ознакомить войска с назначением того или иного укрепления, ни расположить войска соответственным образом.

Наконец, оба командира корпуса были в одном чине и не были друг другу подчинены. Не было никого, кто мог бы согласовать их действия и оборона не имела единого начальника. Случилось нечто совершенно невероятное, чего я не мог предвидеть: заняв позиции вечером, войска бросили их на заре.

Мои воспоминания имеют весьма скромную цель, сохранить для истории все то, чему я был свидетелем или участником во время войны. Я не имею ни малейшего намерения критиковить и еще меньше кого либо осуждать; также, когда мне приходится описывать наши отступления, я говорю о них со стесненным сердцем, но не могу скрывать ошибок, хотя бы они были мои или чужие. Останавливаюсь на этих эпизодах потому, что они с полной ясностью показывают, какое поверхностное отношение было у наших высших начальников к задаче использования укрепленных позиций и к их обороне. Часто оказывалось, что эти позиции тянулись на тысячи верст и бросались войсками, для которых предназначались и притом обыкновенно без боя.

Сколько работы, материалов, потерянных средств!

Как это дискредитировало укрепления в глазах войск. Обыкновенно штаб фронта или армии основываясь на своих стратегических предположениях «приказывал» устроить укрепленную позицию на месте, где он предполагал оказать сопротивление: «от такого то города до такого то».

Дальнейшая забота о позиции с тактической точки зрения зависела только от доброй воли и степени заботливости инженера-строителя. Ни командующие армией или корпусом, ни начальник дивизии не принимали обыкновенно никакого участия в работах.

Таким образом, оказывалось, что строитель совершенно не учитывал и не знал того оборонительного плана, который будет принят командиром корпуса, чтобы отстаивать данную позицию, т. к. последний не имел никакого понятия до прибытия войск на позицию о тех работах, которые для него приготовлены. Фортификационные постройки рассматривались лишь, как средство укрытия стрелков и уменьшения потерь, и этим ограничивалось их употребление. Я не знаю случая, чтобы

искусство инженера было утилизировано по его прямому назначению, т. е. чтобы заменить в известной степени живую силу, чтобы облегчить переход в наступление или поддержать тот или иной участок фронта. Фронт располагался тонкой сплошной линией, и всякое маневренное свойство позиции сводилось к нулю.

Лишь в своем проекте устройства Радом-Гроецкой позиции генерал Алексеев отвел надлежащее место фортификации; эта позиция позволяла прикрыть Вислу с незначительными силами, имея 2 опорных пункта (Ивангород и Варшаву), независимых и отдельных от укрепленной позиции, обеспечивающих фланги и дающих сильным резервам свободу маневрирования.

Если наши начальники в стратегических комбинациях не придавали надлежащего значения роли фортификационных сооружений, то исполнители их планов, командиры корпусов и начальники дивизий совершенно не понимали их тактического значения. Они, может быть, знали тактику своих войск такую, какой учили перед войной, наверно знали полезность фортификационных построек с точки зрения уменьшения потерь, но смысл необходимого сочетания фортификации и современной тактики был долго чужд большинству из них. Знаменитое выражение Вобана: «Больше земли, меньше крови»—трактовалось совсем иначе, считалось, что оно не применимо в наше время. Значительная эволюция, которой подвергалась современная полевая фортификация, осталась незамеченной и непонятой.

Через несколько дней, когда мне удалось установить контакт с войсками Гренадерского корпуса ген. Мрозовского, я узнал подробности оставления передовых позиций.

Совершая отход от Илжи, войска заняли позиции по приказу Командующего армией: XVI корпус развернулся от Козенниц до Полично, Гренадерский—южнее, от Полично до Янова. Выбор размещений войск был предоставлен командирам корпусов. Командир XVI корпуса ген. Клембовский за несколько дней лично осмотрел позицию, которая ему назначалась, что касается ген. Мрозовского, командира Гренадерского корпуса, то он сам лично от осмотра уклонился и назначил для этой цели инспектора артиллерии корпуса т. е. лицо, не имеющее никакого отношения к расположению войск на позиции.

Поэтому особенности позиции, которую г. Мрозовский должен был оборонять, остались для него совершенно неизвестны, для него оказалось невозможным утилизировать все то, что было приготовлено для поддержки его войск. Не было никакой связи между позицией и войсками, и обстоятельства не замедлили показать весь вред полного раз'единения этих эле-

Дабы лучше осветить описание событий, я должен дать следующие пояснения.

В мае, в момент окончания этой позиции, я назначил специальную комиссию из начальников всех боевых участков, из начальника штаба, начальников артиллерии и инженеров, обязанную детально изучить работы. Ознакомленная с планом обороны, по которому была построена позиция, комиссия должна была выяснить, поскольку построенная позиция соответствовала намеченному плану, что надо было изменить или дополнить. Комиссия установила полное соответствие работ с планом; независимо этого, она констатировала недостаточность района обстрела некоторых траншей влево от дер. Лучинов, которая может помочь противнику подойти к этим позициям. Ознакомившись с рапортом этой комиссии, я отправился на место и не замедлил ознакомиться с основательностью этого замечания.

Оказалось, что в непосредственном соседстве с этими работами находились 2 оврага, не только не обстреливаемые огнем укрепления, но почти невидимые с него. Я приказал строителю участка построить впереди этого укрепления люнет, фланки которого были приспособлены для действительного обстрела этих двух оврагов, а внутренность его обстреливалась бы огнем этого укрепления.

Так и было сделано. Но когда войска заняли позицию, это обстоятельство осталось неизвестно и командиру корпуса, и начальнику дивизии, и командиру полка. На люнет не было назначено никакой части, ибо значение его не было понятно. Только командир роты понял назначение люнета и назначил туда несколько человек; воспользовавшись этой неосмотрительностью, неприятель скрытно пробрался к люнету, занял его и, проникнув, таким образом, на главную линию, занял ее на рассвете.

Сама по себе эта потеря не имела решающего значения и легко могла быть исправлена, ибо укрепления, расположенные сзади и с боков места прорыва, позволяли быстро восстановить непревывность фронта, но этим не воспользовались, и, покинув соседние участки, целый корпус стал отступать, что повело за собой отступление и XVI-го корпуса. Я не знаю причин, по которым не воспользовались тыловым укреплением, а также и смежными с прорывом. Может быть, по недостатку войск или из-за их усталости. Все возможно. Как и всегда, в данном случае поведение наших высших начальников отличалось удивительным легкомыслием и чуть не привело к настоящей катастрофе, т. к. сзади гренадер была крепость, имевшая могучую артиллерию и огромные склады, но лишенная гарнизона, в то время как XVI корпус был прижат к Висле, не

имея в этом месте ни одного моста. Что было бы, если бы неприятель проявил большую энергию при преследовании?

Таковы были мысли, которыми была полна моя голова в момент, когда ген. Эверт сообщил мне об оставлении позиций Янов-Козеницы, и которые я ему тотчас же сообщил, чтоб ознакомить с положением, создавшимся в крепости из-за невысылки заблаговременно гарнизона.

Он ответил, что даст немедленно приказание 4 гренадерским полкам и 2 полкам XVI корпуса направиться к Ивангороду и образовать, таком образом, его гарнизон; остатку гренадерского корпуса занять правый берег Вислы налево от Голомба; наконец, частям корпуса Клембовского расположиться на правом берегу на север от Ивангорода и охранять эту часть Вислы.

В 5 час. я вернулся в Ивангород, где уже была ясно слышна кононада. Начался новый период боев за крепость.

ГЛАВА IX.

Положение крепости, лишенной гарнизона. Подход австро-германской армии 8 июля 1915. Начало обстрела. Эпизод с ген. Мрозовским. Беспокойная ночь 9 июля. Прибытие пехотного гарнизона. Первое бомбардирование и первая атака. Потеря и обратное овладение укреплением возле дер. Вулька Бахинская.

Спустя как раз десять месяцев после отбития атак противника, он вновь появился перед Ивангородом. В каком состоянии нашел он крепость? Что было сделано для создания и увеличения ее обороноспособности? Было ли использовано истекшее время или оно было потеряно?

Несмотря на то, что все раньше сказанное является ответом на эти вопросы, интересно сравнить состояние крепости в сентябре 1914 г. и в июле 1915. Что касается оборонительных сооружений, то в 1914 г. Ивангород имел главную оборонительную линию в виде полукруга на левом берегу Вислы. Она состояла из стрелковых окопов, расположеных в 7—7,5 килом. от цитадели на низкой, болотистой местности, в большинстве мало углубленных и лишенных серьезных убежищ для защитников. Впереди были расположены импровизированные препятствия в виде искусственных наводнений и проволочных сетей. Сзади этой главной оборонительной линии шла кольцевая линия старых фортов, окружающих цитадель на обоих берегах Вислы. Артиллерия состояла из сотни орудий. Гарнизон состоял из 2 бригад полевых войск и 2 бригад ополченцев.

В июле 1915 г. укрепления Ивангорода были уже иные, т. к. в дополнение к оборонительным работам прошлого года,

которые в настоящее время образовали вторую и третью линии, была устроена новая главная оборонительная линия, окружающая крепость на обоих берегах, по радиусу в 12—14 килом. на левом берегу и в 10 кл. на правом. Главные укрепления образовали отдельные группы, занимавшие командующие высоты и тесно связанные между собой; каждая группа состояла:

1. Из глубоких стрелковых окопов, богато снабженных всем, что отвечало современным требованиям, и хорошо маскированных.

2. Из очень серьезных препятствий в виде сильно развитых проволочных заграждений местами в 5 или 6 рядов, т. е. до 40 метров шириной, фугасов, мин и местами глубоких и широких водяных рвов, наводнений и искусственного заболачивания.

3. Из бетонных убежищ, обеспечивающих защитников от снарядов до 305 м/м калибра.

Таким образом, на левом берегу главная оборонительная линия (*план 2 и 3**) состояла из 3 групп: у Гневошова, включая деревню и лес того же имени, представлявшей левый фланг всей системы обороны; у Банковец—центр и у Мозолицы правый фланг всего расположения, включая деревню этого имени. Промежуток в 1,5 килом. между Вислой и Гневошовской группой оборонялся линией окопов, построенных на высокой и узкой дамбе, соединяющей эту деревню с Вислой. Непосредственно впереди этой дамбы был вырыт глубокий ров, наполняемый водой, на дне которого была проволочная сеть; вся местность впереди рва была заболочена посредством наводнения, которое можно было возобновлять. Следует заметить, что некоторые укрепления Гневошовской группы еще не были окончены ко времени подхода неприятеля.

Промежуток между этой и центральной группой, длиной 2,5—3 килом., защищался сильной системой окопов и полевых укреплений, хорошо углубленных, расположенных в 3 ряда и имевших сзади 3-ей линии бетонные убежища. Убежища, также как и окопы, были так хорошо маскированы, что их не было видно с самого близкого расстояния. Впереди были наводнения и проволочные заграждения. Правее от деревни Банковец до дер. Словики—Нове была Банковецкая группа, наиболее сильная из всех; ее траншеи, также как и другие укрепления, шли вдоль опушки леса (*план 3*) и имели прочные убежища в том же лесу, что и делало их невидимыми; что касается препятствий, они состояли из проволочных сетей, а также из засек.

---

*) К сожалению Редакция не имела возможности дать более детальную карту.

Левый фланг этого укрепления, кроме того, был усилен глубоким рвом, глубиной до 8 метров, на дне которого была колючая проволока, и который был наполнен водой. Наконец, на правом фланге, совсем возле Вислы, была Мозолицкая группа. Интервал между Мозолицкой и Банковецкой группами, защищенный флангами этих групп, был обращен в непроходимое состояние заболачиванием посредством специальных наводнений, и не имел фронтальных укреплений.

Укрепления правого берега также состояли из отдельных групп. Идя с севера, т. е. от группы, которая связывалась с Мозолицкой, были группы: Стенжицкая, возле дер. Вржезины, на высотах Красноглинны, Вымысловская, Бобровниковская и Голомбская.

Все эти группы были соединены, как между собой, так и с центром крепости, полевой железной дорогой и обыкновенными дорогами, что облегчало быстрое перемещение резервов и вооружения, равно как и запасов снабжения всех видов. На левом берегу от 13-й версты железной дороги (где был центр группы) Ивангород—Радом отходили 2 ветки нормальной колеи: одна налево до Гневошовского леса, другая направо до м. Козеницы. Кроме того, от головы моста князя Горчакова, находившегося в центре крепости, были проложены три узкоколейных полевых жел. дороги, примыкавших каждая к одной из трех главных групп укреплений, и ветки, проходящие во внутрь группы и обслуживающие каждую тяжелую батарею; наконец, каждая группа была соединена с крепостью самостоятельным шоссе, и все три района между собой были соединены 2 кольцевыми дорогами, одна сзади новой главной оборонительной линии, другая сзади второй линии.

Чтобы закончить описание Ивангородских работ, необходимо указать, что представляла собой укрепленная группа. Каждая из них в основе образовывала одно большое фортификационное сооружение, примененное к местности. Каждая группа имела вынесенную вперед независимую куртину, свои фланги и горжу, постройки которой были обращены не назад, а представляли собой последовательную линию траншей, между которой и фасом были расположены еще другия линии и отдельные укрепления.

Везде было принято такое расположение, в силу которого потеря куртины не должна была вызывать падение всей группы; наоборот внутреннее расположение ее позволяло упорную и последовательную оборону всех составных частей до горжи включительно.

Прикрываясь группой, частью сзади нее, частью на флангах, были расположены почти вдоль всей линии фронта отдель-

ные капониры для орудий, назначенные для поддержки соседних групп, вправо и влево.

Чтобы дать гарнизону возможность упорного сопротивления, каждая группа была снабжена многочисленными бетонными убежищами, расположенными как внутри группы, так и в траншеях в 1-й линии *).

Вооружение крепости артиллерией в июле 1915 г. было втрое больше против сентября 1914 г., т. к. нам удалось укомплектовать прежнее вооружение несколькими десятками орудий, найденных мною в складах Двинска и Киева. Кроме того, нам выслали пушки из Новогеоргиевска, Брест-Литовска и Ковно, наконец, к концу июня прибыла из Брест-Литовска 2-я осадная бригада полк. Лукьянова, состоящая более чем из 120 пушек.

Благодаря морскому стрелковому полку ген. Мазурова, крепость имела более 100 скорострельных 47 м/м пушек, но большая часть коих была отправлена в армии на фронт, и из них в крепости сохранилось меньше половины. Общее число орудий всех калибров было до 356. Я не помню точного числа пулеметов, но оно не превышало 200. Теоретически это было немного для крепости такой площади, как Ивангород, но достаточно, также как и боевого снаряжения для тяжелой полевой артиллерии.

Прочее снабжение было рассчитано на полную осаду в течение 6 месяцев, считая гарнизон в 2 армейских корпуса и 6 баталионов крепостной артиллерии. К тому, что было получено крепостью по части вооружения и снабжения по ее рапортам, надо прибавить те новые формирования, которые были произведены в течение этих 10 месяцев.

А именно: $2^1/_2$ батальона крепостной артиллерии были развернуты в 5 батал., т. е. были удвоены; рота крепостных сапер была резвернута в полк 4-х батал. состава; батальон морских стрелков превратился в полк специального назначения 4-х бат. состава; телеграфная рота в батальон 4-х ротного состава и, наконец, 2 воздухоплавательные роты были увеличены новой ротой и снабжены 6 воздушными наблюдательными постами.

Таким образом, совершенно ясно, что в отношении фортификационных сооружений, вооружения, снабжения и технических служб мощность крепости была более, чем удвоена, и если отсутствие необходимых долговременных укреплений не позволяло считать Ивангород крепостью в современном смысле этого слова, то этот недостаток покрывался глубиной и гиб-

*) Некоторые детали, напр., схему «Банковецкой группы», можно найти в Инженерном журнале 1920 г. № 2. К сожалению, в печати до сих пор почти нет никаких матерьялов о наших бывших крепостях. Они еще ждут своего исследователя. *Ред.*

костью укрепленных позиций, их прекрасным применением к местности, развитыми железными дорогами и другими путями сообщения.

Все это давало уверенность, что Ивангород, даже обложенный со всех сторон, мог оказать продолжительное сопротивление, если бы мои постоянные настойчивые просьбы о высылке пехотного гарнизона были бы удовлетворены, и если бы я располагал достаточным временем для того, чтобы подготовить новый гарнизон также, как был подготовлен прошлогодний.

Увы, на сей раз не только гарнизон не был выслан заблаговременно, но 7 июля, в то время когда неприятель шел прямо на крепость и был всего в 8—10 верстах, в крепости еще не было гарнизона.

7 и 8 июля положение крепости было самое критическое. Будучи не в состоянии предвидеть какой оборот примет отступление корпусов Мрозовского и Клембовского, я мог расчитывать лишь на то, что с имеющимся у меня средствами смогу задержать неприятеля всего лишь на несколько часов.

Имея это в виду, я приказал 84 ополченской бригаде, занимавшей укрепления правого берега, оставить 2 батальона для защиты Голомба, Стенжицы и прикрытия артиллерии правого берега, а два других б-на спешно перевести на левый берег для образования там резерва. Артиллеристы были заняты установкой на места тяжелой и скорострельной артиллерии и так горячо принялись за дело, что вечером 8 июля вся скорострельная артиллерия и большая часть тяжелых пушек были на месте, и только это обстоятельство и спасло крепость.

Все саперы были на работе. К ночи 8 июля мне удалось собрать на левом берегу:

Батальон морских стрелков с 47 м/м пушками, распределив их между 3 главными группами, 23 бригаду и 6 батальон 32 ополченской бригады.

К счастью, Гренадерский и XVI корпус задержались на позициях в 2 килом. сзади тех, которые они оставили, оказывая упорное сопротивление, что дало возможность понтонерам навести мосты: для гренадер между Голомбом и Ново-Александрией, а для 16 корпуса к северу от Павловиц. Таким образом, был выигран день.*)

Утром 8-го перешли с правого берега на левый 2 батальона 23 и столько же 84 бригады. В 2 часа дня 8 июля я получил телеграмму ген. Эверта, извещавшую меня, что к гарнизону

*) А. В. Шварц ошибается—для гренадерского к-са понтонный мост не наводился. Корпус отошел через 2 моста, построенных очень солидно в Н.-Александрии и частично через крепостной мост. Наводился ли мост для XVI к-са Редакция сведений не имеет. *Редакция.*

Ивангорода присоединяются полки Екатеринославский, Ростовский и Перновский из Гренадерского корпуса и Карский и Асландузский из XVI-го, такой же приказ был послан командирам соответствующих корпусов. Однако, мне посылали одним полком меньше, чем обещали раньше, но, надеясь получить полки в хорошем состоянии, я был, несмотря на все, удовлетворен. Чтобы установить связь с XVI корпусом, я выслал тотчас же офицера из моего штаба в штаб XVI корпуса. К сожалению, мои надежды не сбылись. К 3 часам на участке Гренадерского корпуса канонада значительно усилилась, и мне донесли, что части корпуса всего лишь в 1,5 километрах от укреплений. Однако, полки, назначенные для усиления гарнизона не прибывали. Обеспокоенный тем, как развертывались события, я отправился в сопровождении ад'ютанта на Гневошовскую группу, заместив себя начальником штаба. Прибыв в дер. Гневошов, я заметил отряд силою в батальон, находящийся в районе этой группы. Позвав офицера, я спросил, какой он части. Оказалось, что это Ростовский полк. Будучи уверен, что этот полк попал в крепость согласно приказания ген. Эверта, я приказал тотчас же командиру полка занять участок Гневошовской группы, чтобы преградить дорогу в крепость. В полку было не более 700 человек усталых, измученных, не евших целый день. Я телефонировал крепостному интенданту выслать немедленно хлеба, сала и консервов для этих солдат. Разместив самолично их на позиции и успокоившись немного за ближайшую участь этого участка, я направился далее вдоль укрепленной линии, направляясь вправо в в Гневошовский лес. Здесь я обнаружил полное отсутствие пехоты. Я обошел все скорострельные батареи и приказал их начальнику открыть огонь при появлении неприятеля, не ожидая приказания свыше, и стрелять, не жалея снарядов. Оттуда я отправился в первую линию траншей, заполнявших промежуток между Гневошовской и Банковецкий группой и защищаемых батальоном 23 ополченской бригады. Эта бригада была вооружена японскими ружьями, но имела всего по 90 патронов на стрелка, т. е. количество, едва достаточное на несколько часов стрельбы. Вызвав командира этой бригады, я назначил его начальником обороны всего участка от Вислы до Банковец и приказал ему назначить 2 батальона для защиты Гневошовского леса, 2 других на участок вправо и 2 батальона в резерв. Я предписал ему выставить на ночь аванпосты и, видя у него незначительное число людей, посоветовал поставить их между траншеями и проволочными заграждениями и ограничиться посылкой вперед лишь патрулей по дорогам. В тоже время я выслал еще 2 офицеров для указания дорог для прохода в крепость отрядам, назначенным в состав гарнизона.

К 7 часам я вернулся в штаб крепости. Здесь меня ожидала новость, поставившая снова крепость в критическое положение. Вот что произошло: Командир Гренадерского корпуса, узнав, что я занял укрепленную позицию Ростовским полком без его предварительного согласия, приказал начальнику дивизии снять полк с позиции и поставить его в резерв.

Таким образом, доступ в крепость вновь оставался открытым. Тогда я попросил разрешения говорить по телефону с ген. Эвертом и, предупредив его, что при таких условиях я предвижу неминуемое падение крепости в несколько часов, я дал ему понять, что положение может быть спасено лишь при условиии немедленной передачи в мое распоряжение полков, назначенных им для этой цели. Мои слова, должно быть, подействовали, ибо в 8 часов вечера Ростовский полк снова занял позицию. Настала ночь. Небо было покрыто густыми тучами. Везде была глубокая темнота, и скоро начался дождь.

В этих условиях войскам, назначенным в крепостной гарнизон, было почти невозможно найти дорогу в крепость, всю окруженную проволочными заграждениями. Положение этих несчастных отрядов становилось действительно отчаянным в виду наступавшего неприятеля и наличия сзади их проволочных заграждений и наводнений, проходы сквозь которые были совершенно невидны. Чтобы придти им на помощь, я предписал всем свободным офицерам штаба, а также и инженерным, хорошо знакомым с планом расположения препятствий и с местностью за ними, отправиться вперед на встречу войскам, назначенными в гарнизон, провести их через препятствия и распределить по назначенным участкам.

В 9 часов вечера нам удалось найти Перновский полк, в 10—Карский, но полков Екатеринославского и Асландузского найти не удалось. Наконец, к 11 часам ночи мы узнали, что, дойдя до проволочных заграждений в промежутке между Банковецами и Гневошовским лесом и не найдя проходов через них, люди, усталые, улеглись спать впереди препятствий. Там их действительно и нашли. К полночи аванпосты известили о приближении неприятеля, направлявшегося на препятствия промежутка и начавшего резать проволоку. Я приказал начальнику участка отвести назад аванпосты и открыть залпами огонь ружейный и скорострельной артиллерии.

Небольшому неприятельскому отряду удалось, несмотря на это, проникнуть через препятствия и занять передовую траншею этого участка, остававшуюся незанятой нами вследствие недостатка в людях. Немного спустя, нам удалось выгнать неприятеля из этого окопа. Между 2 и 3 час. утра они начали отступать и расположились в 2-х килом. впереди оборонительной линии. На рассвете другая немецкая часть про-

двинулась к укреплению, выдвинутому впереди Банковецкой группы, и, выкинув белый флаг, знаками пыталась вызвать к себе гарнизон, предлагая ему сдаться. Это укрепление было занято всего несколькими человеками прислуги пулеметов и скорострельной артиллерии, поставленной накануне. Начальник, унтер-офицер, не позволил людям подняться, приказал открыть огонь из 2 пушек и из всех пулеметов, что заставило неприятеля быстро отсупить. Перед другим участком той же группы появился отряд кавалерии, но тотчас же был отброшен. Таким образом, ночь прошла без больших несчастий; при более энергичных действиях неприятеля она могла бы быть более печальной.

На рассвете вновь прибывшие войска были распределены по позиции, согласно указаний начальников секторов. Начальником всего оборонительного пояса южного берега я назначил ген. Симона.

К 6 час. были подняты привязные шары, и начали поступать донесения наблюдателей, уведомляющие о движении неприятельских войск по всему фронту. Я приказал начальнику артиллерии крепости открыть самый сильный огонь по всем появляющимся цепям, и так как австрийская артиллерия не была приготовлена, неприятель должен был отступить по всей линии. В 7 часов утра 9 июля мне донесли, что только что найден Асландузский полк, но где..? На участке второй линии обороны у форта Ванновский. Отступая к крепости, он сбился с дороги, направился на правый фланг и ночью, никем незамеченный, дошел почти до центра крепости. Дойдя до 2 линии, он расположился на бивак и отдыхал до утра. Вскоре я узнал, что и Башкадыкларский полк XVI корпуса, также заблудившись, попал в дер. Бржезница впереди Мозолиц, не нашел дороги ночью, провел ночь в деревне и присоединился к крепости лишь в 8 час. утра. Это одни из поразительных примеров того истинно ужасающего положения, в каком может очутиться крепость. К 9 час. утра Башкадыкларский полк занял сооружения Банковецкой группы, 32-ая ополченская бригада была вся сосредоточена на Мозолицкой группе, что касается Асландузского полка, то он составил резерв во 2 линии. Екатеринославский полк насчитывал, повидимому, не более 350 штыков, Перновский около 900, Ростовский 700; немного лучше положение было в Асландузском, который утром насчитывал до 2200 человек и в течение дня увеличился отсталыми; Башкадыкларский полк был почти в полном составе. Таким образом, вместо 6 полных полков я получил всего на всего около 7000 человек, т. е. менее 2-х полков полного состава.

Установив свою артиллерию, немцы и австрийцы открыли огонь по первой линии обороны и, главным образом, на уча-

стке влево от Банковец. Наша артиллерия отвечала энергично, но ей в этот день не удалось заставить замолчать неприятеля, так как управление стрельбой еще не было закончено, несколько наблюдателей еще не заняли своих мест, и телефонная связь еще не работала, как следует. Таким образом, неприятель своим огнем заставил одну роту 23 ополченской бригады бросить занимаемое ею укрепление в промежутке между Банковецкой и Гневошовской группами. К 11 час. началось наступление неприятеля против всего участка от дер. Высоко-Коло до дер. Банковец. В 1 час. дня противник бы отброшен по всей линии за исключением участков возле дер. Вулька Бахинская, которой ему удалось завладеть. Узнав об этом, я приказал нескольким батареям крепостной артиллерии Банковецкой группы открыть заградительный огонь по площади между потерянными участками и неприятельским расположением, предписав ген. Симону усилить отступившую роту двумя другими из того же батальона и при наступлении темноты отобрать участок. В 6 часов ген. Симон снова его занял очень удачной контр-атакой. При наступлении ночи огонь утих с обоих сторон. Тотчас же были выставлены аванпосты, под их прикрытием саперы принялись за починку укреплений и за окончание установки проволочных заграждений.

ГЛАВА X.

Второй день боев. Атаки против Банковец и против Гневошовской группы. Их неудача. Окончательное распределение гарнизона и крепостной артиллерии. Новый приказ об эвакуации крепости. Перемены в составе гарнизона. Окончательный приказ приступить к эвакуации. Последний совет обороны крепости.

10 июля на рассвете неприятельская артиллерия открыла сильный огонь против трех групп левого берега и, начиная с 9 часов, началась атака Банковецкой и Гневошовской групп. Однако, усиленная ночью несколькими батареями 2-ой осадной бригады, наша крепостная артиллерия развила сильный огонь против батарей неприятеля и скоро получила явный перевес. Таким образом, к полудню мне было донесено, что несколько неприятельских батарей приведено в полное молчание. Атаки были отбиты с большим успехом, благодаря отчасти той отличной службе, которую сослужили отдельные части снабженные скорострельной артиллерией и распределенные между группами, отчасти благодаря подвижной тяжелой артиллерии, состоящей из 6″ гаубиц, назначенных специально для поддержки укрепленных групп. Атаки следовали одна за другой до 3 часов, когда последняя отбитая атака более не возобновлялась.

Остаток дня и ночь прошли спокойно. Мы этим воспользовались для окончания организации обороны, которая была задержана последними событиями.

Вечером я утвердил общее расположение войск таким образом:

1. Участок на протяжении от Вислы до Гневошовского леса включительно был поручен командиру Карского полка, имевшему в своем распоряжении полки Карский, Ростовский и Перновский. Штаб его был расположен в дер. Новый Регов.

2. Промежуток между Гневошовским лесом и началом Банковецкой группы образовал 2 участок, имея начальником командира 23 ополченской бригады.

Гарнизон—4 батальона этой бригады, усиленные Екатеринославским полком. Штаб в дер. Славчин.

3. Третий участок включал Банковецкую группу и был подчинен командиру Башкадыкларского полка; гарнизон состоял из этого полка и 2 батальонов 32 ополченской бригады; штаб находился в убежище сзади группы.

4. Мозолицкая группа образовала 4-й участок под начальством полк. Васильева командира 1-го батальона; гарнизон составляли 4 батальона 32 ополченской бригады и штаб был в дер. Мозолицы.

5. Общим начальником всех 4 участков был назначен ген, Симон, штаб которого занимал дер. Кляшторна-Воля, и который располагал специальным резервом из 2 батальонов 23 бригады и 2 батальонов 84 бригады.

6. Общий резерв крепости, находившийся в моем личном распоряжении, составлял Асландузский полк, который был распределен между фортами № 5 и Ванновский. Начальники 1, 2 и 4 участков получили, кроме того, каждый по 2—4 орудийных полевых батарей старых моделей, сформированных начальником артиллерии крепости.

Начальник 1 участка и ген. Симон располагали еще каждый 2 батареями крепостных гаубиц в 150 м/м. Наконец, на каждый участок была назначена группа инженерных офицеров и по роте сапер.

В течение ночи 11 июля было окончено распределение крепостной артиллерии, и она получила следующую организацию:

Каждая их 3 укрепленных групп получила соответствующую группу батарей тяжелой артиллерии. В Гневошовской группе были расположены 4 батареи в лесу того же имени, Банковецкая получила 6 батарей, из коих 2 были поставлены на левом фланге, имея специальную задачу держать под огнем 105 м/м и 75 м/м пушек подступы к Гневошовской группе, а также и промежуток между этой группей и Банковецкой; наконец в Мозолицкой группе было 2 батареи.

Под прикрытием укрепленных групп и непосредственно сзади была расположена вторая линия батарей, служащая для усиления первой линии и вооружаемая, судя по ходу боя, батареями подвижного резерва.

Наконец, еще ближе к центру крепости, в зоне долговременных фортов и на правом берегу Вислы было расположено несколько групп пушек дальнего боя, а именно 6″, весом в 200 пудов, дальностью 13,2 клм.

Независимо от этого, была сооружена из прежней оборонительной системы Голомбская группа, значительно усиленная и назначенная поддерживать Гневошовскую группу.

У начальника артиллерии крепости был, кроме того, солидный резерв, назначенный усилять по мере нужды установленную на места артиллерию. Кроме многочисленных наблюдательных постов, расположенных на деревьях и на колокольнях, для наблюдения за действительностью огня, были подняты 2 привязных шара на линии фортов № 5 и № 6 и третий в Голомбской группе. Я должен констатировать, что прибывшие в крепость части Гренадерского корпуса были в таком состоянии, которое давало весьма мало надежд на их боевую пригодность. Но расположенные в хороших оборонительных сооружениях, накормленные и ободренные счастливым отбитием наступательных атак 9 и 10 июля и понимая, какую огромную помощь оказывает им крепостная артиллерия, они воспрянули духом и выражали желание оставаться в крепости столько, сколько понадобится.

Едва удалось мне наметить план обороны, как произошли новые перемены. 9 июля от Главнокомандующего армией снова приехал генер. Гришинский, который привез мне письменный приказ приступить к эвакуации крепости и возвратить в свой корпус гренадерские полки, подлежавшие замене их Аварским полком XVI корпуса и 24 ополченской бригадой. Я ответил, что невозможно одновременно приступить и к обороне крепости, и к ее эвакуации; что же касается гренадерских полков, то я мог снять их с позиций лишь по прибытии их заместителей в крепость. 10 июля я получил телеграмму ген. Янушкевича, Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, передающую благодарность войскам за отбитие атак 9 июля и извещающую об утверждении Верховным Главнокомандующим 12 Георгиевских медалей ополченскому батальону, взявшему обратно укрепление возле Вульки-Бахинской.

Я вспоминаю, как это обстоятельство подало мне надежду, что меня оставят в покое заканчивать дело обороны, но увы, на следующий день все изменилось.

Ознакомившись утром 11 июля с донесениями начальников участков о событиях прошлой ночи, я был очень удовлет-

ворен, т. к. все показывало, что противник готовится укреплять свои позиции впереди нашего фронта. Какова бы ни была истинная причина этих работ, они, очевидно, показывали, что неприятель остановлен и сомневается в возможности взять крепость внезапной атакой. Обдумав те преимущества, которых добивается неприятель, устраиваясь таким образом, я пришел к заключению, что он это делает с целью помешать нашему движению вперед.

Поэтому я решил мешать его работам днем артиллерийским огнем, а ночью вылазками и светом прожекторов. Пригласив начальника штаба, я отдал ему соответствующие распоряжения; после минутного обсуждения положения, мы пришли к соглашению в том, что вследствие отбития первых атак общее положение обороны улучшается со дня на день. Скоро зазвучала наша артиллерия, открывавшая огонь по работам противника.

В это время мне доложили о прибытии офицера из Штаба армии. Это оказался генерального штаба полк. Сурин, который привез мне решительный приказ Командующего армией начать эвакуацию крепости. Приказ подтверждал мою ответственность в случае оставления трофеев и извещал, что полковнику Сурину поручено оставаться в крепости для наблюдения за эвакуацией.

Таким образом, в то время, когда после чрезвычайных усилий дело обороны крепости начало клониться к тому, что неприятель был остановлен, а дух гарнизона, ободренного отбитием двухдневных атак, достиг весьма высокого уровня, когда все предвещало успех сопротивления и продолжительную остановку неприятеля перед Ивангородом, который не замедлит быть обойденным, прибыл приказ бросить все, все разрушить, все увести и отступить....

Я просил полк. Сурина подождать вечера, когда мною был назначен Совет Обороны для сообщения полученного приказания. Я не помню событий этого дня в крепости, я был убит новостью об окончательном решении эвакуировать Ивангород. Я отдавал себе отчет в том, что об этом должен тотчас же донести Высшему Командованию, что затем начнется реализация этого приказа, а в силу этого, как дух гарнизона, так средства обороны пойдут на убыль, и скоро наступит всему конец, и Ивангорода не станет. Эта мысль меня сводила с ума и убивала. Я страдал и был огорчен не только, как комендант крепости, приговоренной к уничтожению, не только как создатель большой работы, приговоренной к бесславному концу, но еще и потому, что я рассматривал решения командующего, как глубокую иронию и как способ оказать пагубное влияние даже на самый исход войны.

Я считал, что оставление Вислы и Нарева невозможно, и даже при полном недостатке боевых припасов и патронов предпочтительнее оказывать сопротивление, имея перед собой 2 такие серьезные преграды, опираясь на Ивангород, Варшаву Новогеоргиевск и Осовец, чем отступать на линию Брест-Литовск—Белосток, где организовать сопротивление было положительно невозможно, и откуда пришлось бы отступать еще дальше на восток, Бог весть, как далеко.

К вечеру я приказал собрать в 9 час. Совет Обороны и произвести в то же время сильную вылазку в сторону дер. Сарнов с целью помешать усилению этого пункта и привести пленных, которые бы ознакомили бы нас с неприятельскими предположениями.

Я назначил на вылазки 3 баталиона, которые должны были отправиться без предварительной подготовки.

В 9 час. у меня собрались члены Совета Обороны: начальник инженеров генер.-майор Попов, начальник артиллерии полк. Рябинин, крепостной интендант подполк. Сизов, командир 32 ополченской бригады ген.-майор Фронцкевич и командир морских стрелков ген.-майор Мазуров. Открыв заседание, я сообщил Совету, что с мая месяца Главнокомандующий решил эвакуировать Ивангород, и это отразилось на переименовании «крепости» в «укрепленную позицию», но рассчитывая на радикальное изменение военных обстоятельств, парализующих это решение, также, как и на новые обстоятельства, которые могли бы сделать упорную оборону Ивангорода необходимой, и предвидя плачевное влияние оповещения об этом решении на дух гарнизона, влияние, которое не только ослабило бы оборону, но помешало бы и ее организации и, наконец, считая невозможным разглашать это решение в то время,— я скрыл его от всех, кроме Начальника Штаба, и что об'явление его гарнизону в настоящее время есть воля Командующего, выраженная категорично и требующая немедленного исполнения. Я закончил, поблагодарив горячо членов Совета за самопожертвование, с которым они работали, как над созданием духа войск, целиком проникнутого сознанием подвига, так и над организацией обороны каждым по его специальности. В то же время члены Совета просили меня хлопотать у Главнокомандующего об особом приказе по войскам фронта, в котором было бы об'явлено, что эвакуация крепости произошла по причинам, от нее независящим и против воли ее гарнизона.

Я присоединился к просьбе членов Совета Обороны и послал ген. Алексееву об этом депешу, но чрезвычайно недовольный, он ответил мне телеграммой, что считает подобный приказ совершенно излишним, и что следует исполнять приказы, не размышляя о последствиях.

Печален был конец последняго Совета Обороны крепости Ивангород. Угрюмые разошлись его члены, мои ближайшие помощники. Не такого конца они ожидали, когда они все свои силы сосредотачивали на организации действительной обороны. Все они были безупречные офицеры, глубоко преданные службе, храбрые люди, любящие свою родину, армию и свое дело, всем сердцем преданные Ивангороду и возлагавшие на него все свои надежды,

С падением Ивангорода разбились их лучшие надежды, исчезала и вера в счастливый исход войны.

После ухода членов Совета я остался один, погруженный в свои мысли. В это время приехал А. И. Гучков, член государственной думы и главный уполномоченный Красного Креста, осветивший мне все события, разыгравшиеся на других фронтах, неминуемое оставление Варшавы, громадную недостачу вооружения и снарядов, что вызвало колоссальные потери.

ГЛАВА XI.

Результаты вылазки. Смена частей гарнизона. Начало эвакуации. Возобновление вылазок. Приток пленных. Австрийский полк выражает желание сдаться. Оборонительные действия, увенчавшиеся успехом. Переход через Вислу немцами 16 июля. Атака Банковец 19 июля. Отступление на 2 линию обороны.

В то время, когда в моей квартире Совет Обороны, невыразимо страдая, решал участь Ивангорода, на позициях об этом ничего не знали, и в тоже время сзади Гневошовской группы оканчивал свои приготовления отряд, назначенный на вылазку.

После захода солнца прожектора начали своими могучими лучами освещать Высоко-Коло, дер. Грабовец, Сарнов и Ново-Завода. В 10 часов отряд выступил, направляясь на Сарнов с 3 сторон. Незамеченный, он успел дойти до неприятельских аванпостов; здесь он был обнаружен, и началась перестрелка. Аванпосты и саперы, собиравшиеся укреплять деревню, отступили, нами ею завладели, но заметив сильные неприятельские подкрепления, выходящие из складок местности, стали отходить обратно, забрав материалы, мотки колючей проволоки и более сотни пленных. Другой отряд, силою до 2 рот, в тоже время атаковал австрийцев, работавших вдоль опушки деревни Стара-Завада и завладел инструментом и 70 пленными.

При расспросах пленных, взятых у Сарнова, нам сообщили:

1. Что операции против Ивангорода ведутся группой австро-германских войск, под начальством генер. фон-Войерша, силою в 4 дивизии, очень усиленных, каждая из 4 полков 28—30 ротного состава.

2. Что готовятся к ближайшей установке 8 австрийских гаубиц зав. Шкода в 305 м/м, недавно прибывших на фронт, и со дня на день они должны открыть огонь.

Пленные, взятые в Завадах, дали нам еще более важные сведения. Они нам рассказали, что на участке Завада есть среди других 31 резервный полк, состоящий из Трансильванских румын, которые стремятся перейти к нам, но боятся сурового обращения с нашей стороны с пленными.

Поговорив с Начальником Штаба, мы решили тем или иным способом уведомить этот полк о хорошем обращении с пленными, а особенно с теми, которые сдаются добровольно. Начальник Штаба составил специальную прокламацию, которую подп. Сувако перевел на румынский язык. Затем Начальник Штаба поручил полк. Вегенеру послать наш аэроплан летать над местностью, занятой полком, и бросать прокламации. С своей стороны, я приказал ген. Симону делать каждую ночь малые вылазки в направлении этого участка, дабы облегчить румынам переход. Этот прием нам прекрасно удался, каждую ночь мы приводили по меньшей мере по 100 пленных и до 18 июля мы собрали 740 румын, а считая и других, всего до 1500 человек. Таким образом, получилось довольно редкое в истории явление: крепость, предназначенная к эвакуации, не только остановила наступление неприятеля, отбила атаки, принудила его к осаде, но каждый день брала новых пленных.

12 июля прибыл Аварский полк и первые батальоны 24 ополченской бригады, и с наступлением ночи ополченцы заменили гренадерские полки, в то время как Аварский полк сменил в Мозолицкой группе батальоны 32 бригады, отведенные в тыл для образования там резерва. Характерная деталь: узнав об их отправлении из крепости, командиры гренадерских полков явились ко мне и от имени своих частей просили оставить их в крепости.

С утра 12 начала приводиться в исполнение эвакуация согласно плана, разработанного полк. Суриным и Начальником Штаба полк. Прохоровичем. Прежде всего были направлены в Брест-Литовск орудия, еще не установленные, равно как и материальная часть 2 осадной бригады и наиболее тяжелые инструменты, загромождающие другие части. Чтобы не волновать гарнизона, ему было сообщено, что необходимо выставить сзади 2-й оборонительной линии батареи, которые сначала были расположены сзади укрепленных групп; их сняли под этим предлогом и направили их, но не в тыл 2-й линии, а на вокзал и далее в Брест-Литовск.

Не смотря на все предосторожности, принятые против распространения известия об эвакуации, эта новость не замед-
[illegible] пространиться, и через 2 дня о ней знала вся кре-

пость, а также возможно, что и противник. По мере того, как день за днем снималось вооружение крепости, ослаблялись ее силы, а атаки неприятеля становились более интенсивными.

Однако, все они были отбиты с успехом, и до 19 июля крепость не потеряла ни пяди земли.

С 13 июля неприятель сосредоточил против Гневошовской группы огонь 305 м/м гаубиц. Он причинил серьезные повреждения в полевых укреплениях, но наши убежища были так хорошо замаскированы, что в течение первых дней не были тронуты ни одним снарядом. Только 16-го одно убежище было сильно повреждено снарядом, но это попадание, без сомнения, было случайное, ибо до самого конца ни один снаряд не тронул наших убежищ. Наша артиллерия все время поддерживала превосходство над неприятельской и не позволяла ей развивать огонь. Наиболее серьезные услуги нам оказала наша подвижная тяжелая артиллерия, состоявшая из 6″ гаубиц.

Вылазки производились каждую ночь и главной целью имели приведение в негодность и разрушение немецких работ, возводимых цо всей линии фронта. Даже вылазки ополченцев 24 бригады увенчивались успехом, они достигали неприятельских траншей, уничтожали проволочные заграждения и колья и притаскивали их в свои окопы.

Так шло дело до 16 июля, когда новое обстоятельство указало на неизбежность конца. В ночь с 15 на 16 неприятель перешел Вислу к северу от Ивангорода возле дер. Рычивол. Этот участок охранялся войсками XVI корпуса. Как могли немцы форсировать реку шириной 500 метр., охраняемую несколькими полками? Я не знаю, что произошло в действительности, но самый факт перехода при наличиии войск, обязанных не допускать этого, показывает отсутствие со стороны войск надлежащей бдительности. Если были броды, то находящиеся здесь войска должны были их знать, также хорошо, как немцы, и охранять особенно тщательно. Но в настоящее время известно, что переправа была произведена на понтонах, служащих для наводки мостов; переправе должна была предшествовать подготовка понтонов, доставка их к реке, спуск на воду, погрузка людей. Наши сторожевые посты ничего этого не обнаружили, и немцы переправились через Вислу совершенно незамеченными и в момент, когда их совершенно не ожидали. Ясно, что сторожевая служба была плохо организована, ибо немногочисленные немецкие отряды, которые первые переправились, с необыкновенной быстротой отбросили наших и вполне спокойно приступили к постройке нескольких мостов для войск собранных на другом берегу в лесу.

Также ясно, что возможность этой переправы не предусматривалась ни Штабом Главнокомандующего, ни штабами

IV Армии и XVI корпуса, что свидетельствует о плохой постановке разведки в Штабе самого Главнокомандующего. Еще более печальным фактом надо считать, что переправа эта оказалась неожиданной для всех этих штабов, ибо в противном случае можно было ожидать принятия предупредительных мер.

Что касается офицеров Штаба Главнокомандующаго, то они отнеслись с презрительной иронией к мнению ген. Палицина, который предвидел, что немцы обязательно изберут этот путь.

О совершенной неожиданности этой переправы и том глубоком расстройстве, которое она вызвала, свидетельствует тот факт, что о происшедшей в 3 часа дня переправе уведомили меня из Штаба Армии в 8 часов.

Эта новость заставила меня принять немедленно меры, чтобы гарантировать крепость против окружения ее с северной стороны теми частями немцев, которые перешли на правый берег Вислы в 30 килом. от Ивангорода. В этих видах я снял с Гневошовской группы все батальоны 24 ополченской бригады и целиком направил на правый берег для обеспечения обороны Стенжицкой укрепленной группы. Они были заменены в Гневошовской группе 2 батальонами Асландузского полка. В то же время, желая помочь ген. Клембовскому, я подал мысль Командующему армией отправить 2 батареи 6-ти дюймовых гаубиц, снятых с позиций и находящихся на вокзале, генералу Клембовскому вместо того, чтобы отправлять их в Брест-Литовск. Так и было сделано с разрешения Командующаго армией. Но в тот же день пришла телеграмма генерала Алексеева с просьбой выслать во 2 армию 2 батареи 6″ гаубиц и немного позже приказание Командующаго IV армией передать весь Асландузский полк в распоряжение командира XVI корпуса. Оба эти распоряжения были исполнены в тот же день, и это значительно ослабило крепость.

Кроме того, на следующий день прибыло приказание выслать ген. Клембовскому, еще и Аварский полк. Таким образом, вечером 17, после отправки этого полка, Мозолицкая группа была занята 32 ополченской бригадой, и крепостной резерв свелся к нулю и в то же время не было ни малейшого сомнения в том, что неприятель, развивая свой успех на севере от Ивангорода, не приминет развить непосредственные операции против крепости. Поэтому я просил Командующего армией выслать мне войска взамен Аварского полка.

18 июля, несмотря на высылку гренадерской дивизии в помощь ген. Клембовскому, немцы развивали успех. В то же время пришло известие, что австрийцы развивают энергичное наступление против промежутка Ивангород—Люблин, и Гренадерский корпус получил приказ занять позицию, правым флангом которой явилась дер. Голомб. Вечером 18-го я полу-

чил распоряжение понемногу стягиваться к центру и держась на левом берегу, быть наготове перейти на правый.

В центре крепости эвакуация шла полным ходом. Поезда нагружались в трех местах: возле форта Ванновский, на левом берегу и на двух других вокзалах правого берега.

Вся крепостная артиллерия левого берега была уже снята, но я приказал задержать в каждой группе до последнего момента по 2 батареи 6 дюйм. орудий в 120 и 190 пудов и взорвать их на месте, если нельзя будет увезти.

Таким образом, вооружение крепости 19 июля состояло всего лишь из 6 батарей в 24 пушки, и из 3 подвижных 6" гаубиц, а гарнизон только из Башкадыкларского и Карского полков, первый из которых был расположен от Гневошовской до Банковецкой группы и второй от Банковецкой до Вислы, а также из 19, 23, 32 и 84 ополченских бригад, из которых 24 и 84 были расположены на правом берегу, 32 занимала Мозолицкую группу, 23 охраняла промежуток между Гневошовским лесом и Банковец и 2 батальона 19-ой составляли резерв.

19-го на рассвете неприятель открыл сильный огонь, особенно против Банковецкой группы. Как мы узнали потом, огонь против этой группы был направлен из 96 орудий, которым с нашей стороны могли отвечать лишь 2 батареи группы и 2-резерва, всего не более 16 орудий; скоро была вызвана резервная батарея на помощь из Мозолицкой группы, т. к. вследствие сильного огня, 2 батареи Банковецкой группы замолкли, и таким образом неприятелю отвечали только 6 наших орудий. Под действием сильного бомбардирования стрелки Башкадыкларского полка, защищавшие траншеи первых линий Банковецкой группы попрятались в убежища, оставив в траншеях только посты. К несчастью, батальон 32 бригады, занимавший правый фланг этой группы, под влиянием неприятельского огня, не предупредив начальника группы, отступил в дер. Мозолице. Неприятель воспользовался этим и занял оставленный участок сильным отрядом, сзади первой Банковецкой линии. Застигнутые в убежищах стрелки должны были отступить к левому флангу группы. Резервы, бывшие в распоряжении начальника группы, оказались не достаточными для отброски немцев из леса и для восстановления положения. Таким образом, движение неприятеля направлялось к тому, чтобы проникнуть через лес и угрожать группе с тыла. По существу, это положение было более опасно для неприятеля, чем для нас, ибо он мог оказаться отрезанным движением наших войск, направленных из Мозолиц на Словике-Неве.

С этой целью, я приказал начальнику Мозолицкой группы направить в этом направлении 2 батальона ополченцев, с дру-

гой стороны для обеспечения против окружения слева, я собрал саперный батальон и направил его в промежуток между Банковецкой и Мозолицкой группами.

К сожелению, батальоны 32 ополченской бригады были мало пригодны для подобных операций и не могли выполнить поставленной задачи. Узнав об этом и не желая эвакуировать Банковецкую группу ранее вечера, я направил туда весь свободный резерв, т. е. 2 батальона 19 и 2—23 ополченской бригады под начальством их общих начальников. Им удалось остановить противника внутри группы и овладеть его движением.

К вечеру огонь прекратился, и я этим воспользовался для снятия всей тяжелой артиллерии всех 3-х групп и для отвода на 2 оборонительную линию войск, которые должны были взять с собой легкую артиллерию и пулеметы.

На рассвете все войска закончили свой отход и заняли вторую оборонительную линию.

ГЛАВА XII.

Последние дни Ивангорода. Приготовление для перехода на правый берег и для разрушения работ левого. Отход на правый берег в ночь на 22 июля. Мы взрываем форты левого берега. Разрушение работ правого берега, цитадели и фортов. Заключение.

Мы смогли держаться 2 дня на 2 оборонительной линии. Неприятель не заметил нашего отхода или решил ему не противодействовать. Он открыл огонь против 2-ой оборонительной линии лишь после 7 часов утра. С 20 июля с нашей стороны отвечали только две 6-ти дюймовых гаубичных батареи подвижного резерва и 2 батареи 105 мм., остававшиеся еще на правом берегу и снятые в ночь на 21.

Цитадель, оборонительная казарма, интендантские склады, пороховые погреба, инженерные склады—все было пусто, также как и казармы, мастерские, офицерские квартиры. Только комендантский дом, где жил я со штабом, имел обитаемый вид, хотя уже все дела были вывезены в дер. Демблин возле форта № 3. Спустя 2 дня мы приступили к подготовке перехода на правый берег. Решившись держаться на левом берегу до последней возможности, я с другой стороны должен был предусмотреть, что общее положение могло помешать нам перейти реку в благоприятный момент.

Поэтому вечером 18-го я приказал установить еще 4 моста, кроме 2-х понтонных; 2 из этих 4-х мостов были поставлены в районе форта № 5 и 2 других—возле форта № 6.

20 июля все начальники частей, находившиеся на левом берегу, получили специальные инструкции относительно по-

рядка отхода на правый берег, разработанные начальником штаба крепости. Одновременно с приготовлениями к отходу, шли приготовления к разрушению всего того, что могло быть использовано неприятелем. Инженеры и саперы минировали все форты, укрепления, ворота цитадели; пожарные разложили пучки соломы, пропитанные керосином, возле всех жилых домов, складов, магазинов, казарм; моряки минировали мосты через Вислу и Вепрж и подготовили к взрыву все имущество нашей речной флотилии. Печальная и унылая работа, которую все выполняли, скрепя сердце. Единственное облегчение, которое я мог сделать для инженерных офицеров это не поручать разрушение укреплений тем офицерам, которые их строили или участвовали в их обороне.

Вечером, я получил приказ ген. Эверта отвести войска на правый берег; в то же время неприятель начал атаковать 2-ю линию. И хотя там почти не было тяжелой артиллерии и все средства обороны сводились лишь к ружейному и пулеметному огню и к нескольким скорострельным пушкам, перевезенным с 1-й линии, все таки атака была отбита также, как и предыдущие. Ночь прошла беспокойно, и я решил подождать еще день, раньше чем начать отходить с боем. На рассвете 21-го все успокоилось. Настал последний день Ивангорода.

Утром я поручил Нач. Штаба полк. Прохоровичу об'ехать всех начальников частей и об'яснить каждому, какой мост назначается для его части, а также и расположение каждой из частей на правом берегу после перехода туда. Общий порядок перехода был установлен на следующих основаниях:

При наступлении ночи 21 июля все части резерва должны занять промежутки между фортом № 5, Ванновский и № 6 оставляя свободными лишь дороги на 2-ю линию. Половина войск, занимающих каждую позицию, должна начать эвакуацию в 10 час. вечера, вслед за ней вторая половина в полночь, с нею начальники частей, которые проходя мимо фортов, должны предупреждать находящихся там инженерных офицеров об окончании отхода соответствующей части. После отхода боевых частей начинают отходить резервы, в то время, как оба эскадрона кавалерии, расположенные возле фортов, должны выслать раз'езды до 2-й линии и проверять, чтобы там никто не остался. По их возвращении, командиры эскадронов должны сообщать фортовым офицерам, что впереди них нет никого. Тогда эти офицеры отводят свои отряды в тыл фортов и взрывают их лично. Взрыв фортов должен сопровождаться работой пожарных, которые облив керосином солому возле домов, казарм и других построек левого берега, поджигают ее и все уходят на правый берег.

Я с моим начальником штаба с утра перебрался из цитадели в помещение Инженерного Управления возле форта № 3. В цитадели осталось несколько минер, которые заканчивали минные колодцы. Во всех зданиях, кроме собора, делались приготовления для их поджога.

Вокруг Ивангорода положение было таково: немцы двигались вперед и сообщения с Варшавой уже были прерваны. С другой стороны, перейдя линию Ивангород—Люблин, австрийцы были возле деревни Жиржин, расположенной на шоссе Варшава—Рыки—Люблин в 13 килом. на юг от дер. Мощанка. Между ними и немцами оставалась только дуга в 30 километров, центр которой составлял разоруженный Ивангород. Но он еще был, и его крепостной флаг развивался по ветру. Невозможно описать всего того, что я испытал в тот день.

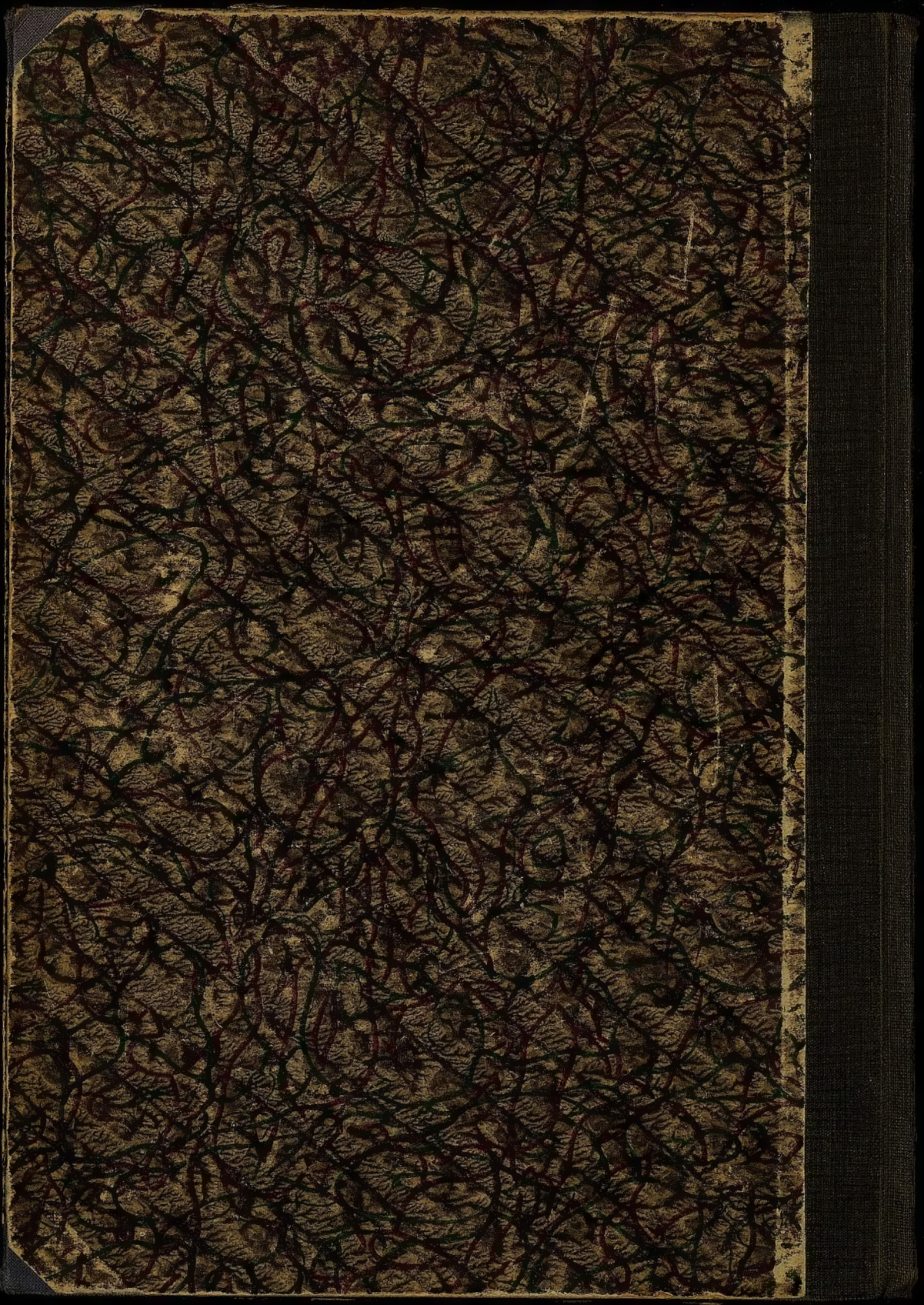
Переход войск на правый берег, начатый, в 10 вечера, окончился к 1 ночи. Начальник Штаба полк. Прохорович отправился в цитадель, снял роту, несшую еще караул, и спустил крепостной флаг. Немедленно после этого послышались один за другим 3 удара, возвестившие взрыв фортов; затем небо покрылось пламенем пожаров, и взорвались мосты и флотилия. Перейдя на правый берег, войска расположились вдоль по реке.

Утром 22 июля оказалось, что кольцо окружавшее Ивангород за ночь еще с'узилось. Немцы уже овладели Соболевым (деревня, расположенная в 20 кил. к северу от Ивангорода на жел. дор. в Варшаву) и австрийцы дер. Жиржин.

Поэтому в 6 часов утра я получил приказ разрушить все укрепления главной оборонительной линии правого берега, а в полдень—взорвать цитадель и форты правого берега за №№ 1, 2, 3 и 4. Приказав перенести Штаб в дер. Мощанку в 1,5 кл. в, тыл от линии фортов я отправился в сопровождении моего ад'ютанта на высоты, расположенные между дер. Мощанкой и фортом № 2. Отсюда я наблюдал взрывы фортов, которые произошли около 3 часов дня. Затем над цитаделью поднялся столб пламени, также как и над Демблиным, над вокзалом, над Ирено, над артиллерийскими казармами, над Инженерным Управлением. Эти столбы увеличивались, темнели и распространялись во всех направлениях. Вскоре 2 столба слились в 1, к которому присоединился третий. Вскоре не стало видно домов Ирены, исчезли деревья и дороги к Висле. Немного позже все заволоклось огромной черной тучей и я перестал, что либо видеть—Ивангорода не стало.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Издатель Главное Военно-Инженерное Управление. Редактор Г. А. Серчевский.

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД

Свечников
С. 1,3-15, опись 391
26.02.07